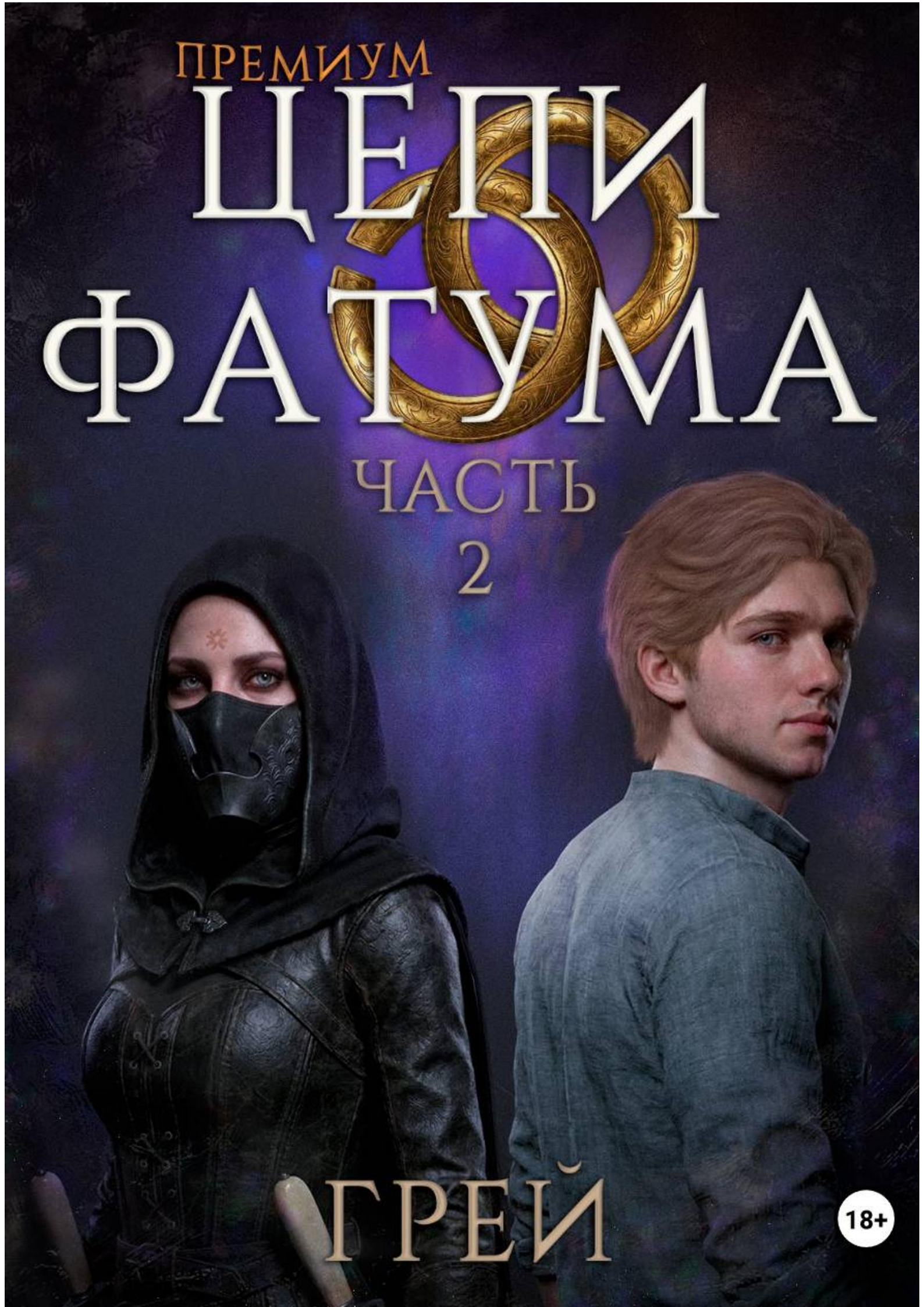
ПРЕМИУМ

ЦЕПИ ФАТУМА

ЧАСТЬ 2



ГРЕЙ

18+

Грей

Цепи Фатума. Часть 2. Премиум-издание

«Автор»
2026

Грей

Цепи Фатума. Часть 2. Премиум-издание / Грей — «Автор», 2026

Перед вами новый 2-ой том истории про Ричарда и Занзару в премиум-версии, которая содержит портреты всех героев, дополнительные изображения, справочную информацию и интерлюдию — целую сюжетную арку из шести глав.Новое временное укрытие — контрастный город храмовников и торговцев Хорград — таит множество опасных секретов, но не лишено тайн и прошлое как союзников, так и соперников. Угасшее обладание пробуждается, а присутствие наследия Варлага ощущается все сильней.Смогут ли Ричард с Ливией и дальше бороться за любовь в мире, где такой союз невозможен, и все оборачивается против них? Многие дороги пересекутся, будут заключены новые альянсы, предыдущие — рухнут, а предстоящее столкновение неизбежно в преддверии битвы за господство над Мэриелом, как и наступление Фатума.

© Грей, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Книги серии Судьбы Мэриела 6
Часть 2 10
От автора 11
Карты Мэриела 12
Герои 14
Пролог. Семья превыше всего 15
Глава 1. Корделл Бастер 18
Глава 2. Ночной разговор 23
Глава 3. Два разных утра 29
Глава 4. Встреча 39
Глава 5. Мать и сын 45
Глава 6. Семетерий 49
Глава 7. Очень долгий день 55
Глава 8. Капеллан и капуцин 66
Глава 9. Хряк, крыса и пожар 71
Конец ознакомительного фрагмента. 74

Грей
Цепи Фатума. Часть 2. Премиум-издание

Книги серии Судьбы Мэриела

История Ричарда
Основная арка
Книга #1. Цепи Фатума. Часть 1
Книга #2. Цепи Фатума. Часть 2
Книга #3. Цепи Фатума. Часть 3, Эндшпиль

История Варлага
Приквел
Приквел I. Темный Союз
Приквел II. Павшие Земли
Приквел III. Буря Потерь — в планах

Дополнения:

Дополнение 1. Дневник Гроффа — бесплатно на всех площадках

Дополнение 2. Мир Предтеч — относится к Темному Союзу и к арке приквела.

Дополнение 3. Сеттинг-гид для настольной игры (редакция ДнД 5е)

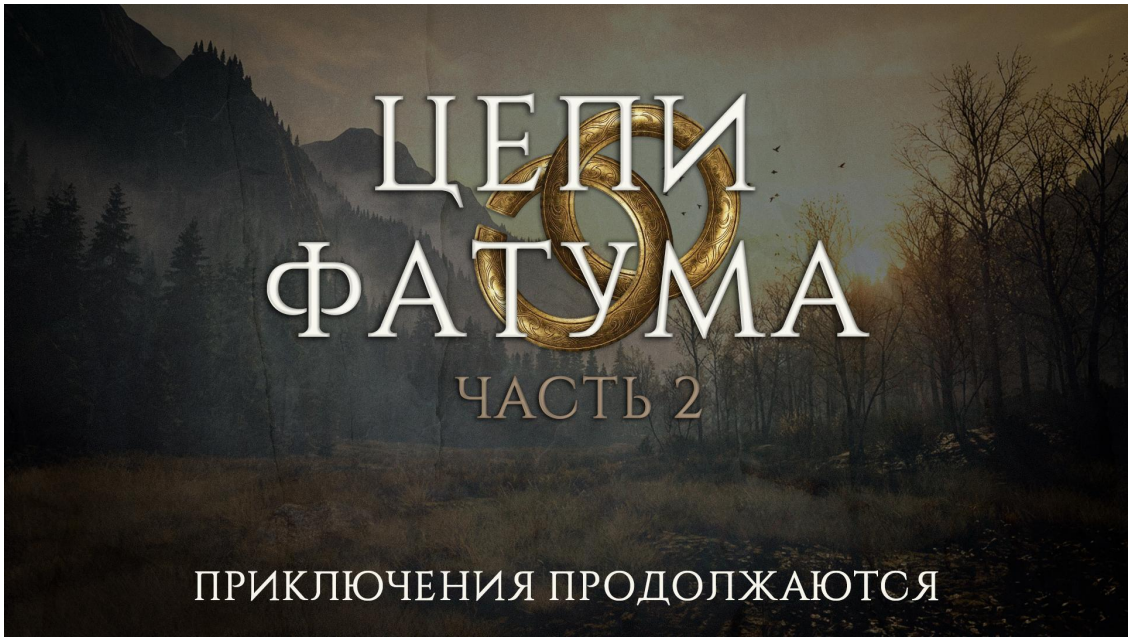
Дополнения опциональны.

***

Внимание! Мобильное приложение ЛитРес несколько деформирует горизонтальные изображения. **Решение:** читать в мобильном браузере через сайт или скачать в любом формате и читать в любой читалке. Либо использовать увеличение (значок лупы) для изображений любого формата.

Часть 2

Моей бабушке,
которую одной безмолвной ночью Занзара увела в Мэриел
1936—2026



Приключения продолжаются…

От автора

Перед вами новый 2-ой том истории про Ричарда и Занзару в премиум-версии, которая содержит портреты всех героев, дополнительные изображения, справочную информацию и интерлюдию — целую сюжетную арку из шести глав про Ильду и Нуд.

Раздел ниже (с некоторыми пояснениями) вы можете пропустить во избежание небольших намеков на содержание и вернуться к нему в любое время (например, после прочтения).

На сей раз в Цепях Фатума *нас ждут две сюжетные арки:*

Ричард и Занзара в Хорграде.

Ильда и Несмерта в Нуде.

Но поскольку это не сказка странствий, где герои минуют транзитные локации, а наоборот — камерная история (что и присуще готике, ранней и поздней) — все участники сюжета из разных уголков мира собираются в одном месте — посему событиям в Хорграде мы уделим много времени, а под конец окажемся на Севере (куда уехала Ильда).

В Хорграде — уклон в сторону городского псевдоисторического фэнтези с элементами дарка и барочного романа (город “Пламени веры” — сущий контраст), оттого религиозные мотивы не только тесно переплетаются с сугубо гримдарковыми изысканиями Занзары и Корделла, но и с романтическими откровениями Ричарда в стиле… хм, смешайте всякому ведомые Bloodborne и Бриджертоны, добавьте исторические религиозные реформации — вот и оно! Псевдоисторический расцвет Новой Эпохи, поздняя готика, барочность и тенебризм — все это отлично соседствует в данном романе.

В Нуде Ильда сталкивается со сложнейшим моральным выбором и с тем, чего ей не доводилось делать в качестве целителя. Несмерта же объясняет мотивы предательства, с которого начинается 1-я часть, и раскрывает истинные намерения Ливии, кроме того, пользуясь моментом она собирается захватить весь Север. Там — Игра Престолов со всеми вытекающими.

Религии и политическому устройству отведем почетное место, как и истории мира (еще немного вспомним приквел про Варлага, Темный Союз). Тут момент, что разница между Цепями Фатума и Темным Союзом — десять эпох (тысяча лет) — но обе истории связаны; в зависимости от того, какую из арок вы прочтете первой — такой ассоциативный эффект у вас и сформируется.

Обладание в Новую Эпоху значительно изменилось, мы открываем его для себя заново (даже после Темного Союза).

Связи между героями прошлого и настоящего станут проявляться четче: о чем-то предстоит догадаться, иное — на поверхности прямым текстом, а нечто третье — возникнет легким упоминанием, отсылкой или дальнейшим заделом.

Нуд, Альсвег и Исстиль: впервые данные локации, их обитатели и жизненный уклад описываются достаточно подробно, чего ни в одной книге серии еще не происходило.

И если вы готовы вернуться в Хорград, милости просим!

С.Грей

Карты Мэриела

Карта Мэриела (страны)

Карта Мэриела (города)

Герои

Чат с героями:

Добавлен чат с досконально проработанными героями Цепей Фатума на площадке **Frendi AI** (героев легко можно найти по имени, и это бесплатно): очень похоже на ролевую игру, в которой происходит знакомство с лором и логикой поведения персонажа в контексте романа.

Вы можете не только познакомиться с героем, его предлагаемыми обстоятельствами и окружением, но и делать личные квесты, начать роман или... даже погибнуть (с Занзарой и Корделлом это проще простого), что знаменует окончательный конец (в рамках конкретного чата, безусловно).

В настоящее время доступны герои:

Занзара

Ричард Эджин

Гарретт Гроффф

Корделл Бастер и др.

Пролог. Семья превыше всего

Однажды давным-давно

Встреча с королем — что может удивить сильнее? Однако он ничуть не волновался и не поражался, ведь объездил всю Эту Сторону и чуть не отправился на Ту (буквально и фигурально), а повидал такое обилие вожаков, правителей, шахов, царей и прочих титулованных особ, что родной дядя, взявший новое красивенькое имечко — Аргольд Светлобород — и безраздельно правящий половиной Мэриела, теперича не вызывал должного трепета.

Или все оттого, что они давно не виделись? Даже слишком давно.

— Гарретт, мой мальчик, подойди же ближе, — молвил Аргольд.

— Я лет двадцать как мужчина, — спокойно поправил Грофф, успевший обзавестись парочкой посеребренных волос и паутиной морщинок. Ха! Много-много лет никто не называл его мальчишкой. Молодость истерлась, как и сапоги, прошедшие сотни дорог. Одолев половину залы, он остановился пред королем и отвесил небольшой поклон, приличествующий их родству, его собственному статусу и титулу.

Аргольд, тяжко кряхтя, поднялся, подошел сам, обнял гостя и отечески похлопал по плечам, разглядывая так и эдак.

“Всего-то добродушный старик. Не могу поверить, что так страшился его в детстве!” — подумал Грофф и ласково улыбнулся.

Только сейчас Гарретт заприметил кое-что важное: король поседел, стал бледным, восковидным и будто истонченным не только из-за возраста… В желтоватых глазах, окаймленных сероватыми мешками век, сверкнула опаловая искра. Некогда карие, теперь они стали намного светлее… Он и ранее встречал подобный след в людях (*и не только в них)*, значило это лишь одно… *Обладание*. И в данном случае — огонь.

Аргольд моментально уловил незначительные перемены в лице племянника и хрипло рассмеялся:

— А как, по-твоему, мне удержать наши владения и сохранить мир? Кардинал Киринос и прочие злопыхатели не упустят случая отобрать у нас все… Пусть попробуют, тогда на искры их сговора я отвечу всепоглощающим огнем!

— Это твой выбор, дядя. Понятия не имею, на что ты пошел, чтобы заполучить подобную мерзость, но считаю…

— Когда передам тебе сию ношу, ты уразумеешь, Гарретт, что цель оправдывает средства. Нам, *Гроттам*, удалось не только отобрать престол у Матхэйнов, но и удерживать власть многие века! И даже в столь переменчивом мире все так и останется.

— Да, дядя. И если ты желаешь поговорить об этом — у меня есть добрые вести.

— Ты все-таки нашел детей мятежников?

Гарретт снял с шеи медальон, раскрыл его и глянул на портрет черноволосой девочки с тонкими чертами лица и холодным взором и улыбающегося юноши с пшеничной копной волос и задорными глазами. Король лишь скользнул уставшим взором по украшению, которое ему вернул племянник.

— Они давно выросли, носят другие имена и укрылись довольно далеко, в мелком поселении Предгорья, где твои возможности и влияние крайне низки.

— Для этого у меня есть ты, мой мальчик. — Мужчина не стал поправлять короля. — Помни, они последние потомки Варлага и имеют больше прав на Мэриел, чем мы.

— У них тоже есть дети, — вставил Грофф.

— И? — Аргольд поднял одну бровь. — Когда это для нас становилось проблемой?

— В этот раз я хочу поступить иначе.

— Что ж, ты — будущий король, не дай нам пожалеть о твоем решении.

— Я и так сделал все, что ты мне велел! Но марку ты отдал моей сестре! — вспылил Гарретт. — А меня отправил к редринам на кулички!

— Зачем тебе жалкая гладийская марка, сынок, если я передам тебе весь мир? И так уж ли плохи мои поручения, что ты расторг помолвку с бедняжкой Доминикой? Эльфийские девки — много лучше, не так ли?

— И это помогло заключить с ними Пакт, — напомнил Гарретт.

— Надеюсь. Я ведь им не просто так подарил Илласбраг.

— Очень щедро с твоей стороны, дядя. А Гвентлиан не возражала, что ты покромсал ее владения?

Аргольд отмахнулся и задал иной вопрос:

— Так что насчет ребенка от королевы Гуар Данна? Это девочка?

— Да, дядя.

— Тогда эльвины и даже остатки эльфов для нас не помеха. Когда девчонка вырастет, Королевы захотят использовать ее против нас. Уж поверь, пусть они и сношают мужиков только ради рождения будущих правительниц, на сей раз она точно знает, кто отец ребенка.

— И это дитё заявит ничуть не меньшие права *на твой престол*, нежели уцелевшие Матхэйны, — напомнил Гарретт, окончательно запутавшись в переплетении интриг, которые затеял Аргольд.

— *На твой престол*. — Старик хрипло рассмеялся. — Но это все позже…

— А редрины? Дикие зунары? Аразих? Джархи? Та Сторона?

— Когда *оно* полностью вернется, мы уничтожим их всех.

“Такова его конечная цель?!” — Гарретт ужаснулся, а вслух прибавил: — А ты не считаешь, что девиз “Семья превыше всего…” относится не только к нашей династии?

— Не только к нашей, — отвечал пока еще нынешний правитель Мэриела, — а ко всему роду человеческому, который мы приведем к небывалому величию. Перед тем как ты уйдешь, хочу тебе кое-что дать. — Король Аргольд поднялся и прошел к письменному столу.

— Книга? — Гарретт повертел в руках увесистый том в черной кожаной обложке. — “Молот Варлага” я уже читал. — Он терял как интерес, так и терпение, уж лучше бы никогда не возвращался в Итолу!

— Я переписал текст. — Король положил руку ему на плечо.

— Что ж, время оценить твое писательское мастерство у меня найдется. — С этими словами Гарретт Грофф убрал книгу под мышку и оставил короля одного, твердо решив, что в Бертлебене станет не просто следить за неблагонадежными претендентами на престол, *его престол*, а сделает все, чтобы Аргольд не навредил ни Матхэйнам, ни их детям.

Глава 1. Корделл Бастер

Мрак. Слезы. Десять сил. Изогнутый клык камня. Тело за толщей огненно-опаловой породы. Свет. Боль. Десять эльвинов. Оскал.

Кровь, точно вязкий меркурий, застыла в воздухе, после неодолимо тянулась к камню. Законы земной тяги потеряли власть. Нечем дышать. Тень простирала руки. Огонь. Пальцы впивались в земную пыль. Шепот. Плач. Крик. Хворь. Разложение.

Затем тишина. Ничто. Пустота. Тьма. Бесконечная ночь. Он подобен ему, Варлагу. Растоптан. Заперт. Скован цепями. Недвижим. Это конец? Нет. Все только началось…

Слышался голос: шелест, переходящий в рычание. Царица что-то молвила, но он не мог ничего разобрать. Свод недр содрогался от гула, разматывающего ее слова до отдельных звуков; иные фразы, уловленные слухом, разум тут же отторгал.

“Получилось?”

Он склонил колени, припав ладонью к полупрозрачной красно-оранжевой поверхности — живой и теплой вопреки смертному холоду его пальцев.

Озноб. Бессилие. Но он не потерял сознания, хотя мир плыл. Десять темниц, десять цепей, десять узников, послуживших ключом. Фатум настиг каждого.

Вот что он помнил о перерождении, об этой инициации.

Корделл полагал, что получит неимоверную силу, возможности, власть, но древнее обладание явило лишь строптивый и жесткий нрав.

Фидес говорила — нужно только пожелать, захотеть, подчинить, — все в твоих руках: целый мир, смерть и жизнь.

Пламя, холод, вода, ветер, гроза, туман, дождь, твердь и пыль, растения, металлы, животные, свет, тьма, изменения тела и всепоглощающее ничто. Управление обозначенными силами и материями могло бы сделать его подобным живому богу.

Но как ни старайся, герцог мог лишь высечь искры или ощутить холодок на кончиках пальцев, или заставить камушек треснуть, ничего более. Он ожидал почти безграничную мощь, но все вышло наоборот. Даже эти жалкие крохи, едва заметные отблески проявления силы, требовали слишком многого.

Герцог чувствовал, как любое пробуждение обладания в нем вытягивало из него жизнь, лишало сна, желания есть и пить, обращало кожу лица и тела в серую бумагу, обессиливало мышцы, впускало в разум видения и кошмары. Разрушало его тело и сознание.

Чем чаще он пытался совладать с новыми возможностями, тем больше отдавал здоровья, жизни, последних сил. Лишь его глаза становились все более блестящими и сияющими, их наполнял неестественный пунцовый цвет, разрезаемый красными нитями лопнувших сосудов.

Пока что единственная сила, отозвавшаяся на его зов, — это тьма. Она разрушительна, пугающе мощна и поглощает жизнь — как его, так и других. Это сила одной лишь погибели, которой не свойственны такие понятия, как созидание и сотворение.

Но какая разница, если каждая из них губительно действует на обладателя? Они и не нужны ему все. Достаточно одной — самой явной, самой опасной, самой сокрушительной.

Если бы каждая вторая из сил, к которым он взывал, откликнулась на его приказы (даже на мольбы!), ему бы удалось возродить утерянное в еще более грандиозном виде, нежели прежде. Сотворить нечто настолько великолепное, что воображение не смогло бы передать его вид. Но тщетно…

Без последнего ключа первозданная энергия заточена в камне вместе с Варлагом. Так просто она не вернется. Сила способна проникнуть в наш мир лишь легким, почти неощутимым дуновением.

Принцесса эльвинов Ливия — вот та, кто сможет выпустить истинное обладание, единолично присвоенное павшим королем, сокрытое им в тверди кристалла. Без нее все они делают едва ли глотки, вместо того чтобы припасть к океану безграничного могущества. И за это платят столь высокую цену.

Если разрушить темницу обладания, все станет по-прежнему. Сила прекратит отнимать твою жизнь. Обладатели станут править Мэриелом. А он, герцог Корделл, теперь один из них.

***

Корделл Бастер открыл глаза. Видение, пронзившее разум иглой, казалось таким четким, как огни, которые когда-то охватили Чагрин — его владения.

Тогда эти земли ему не принадлежали всецело, не обрел он их и поныне.

Их родовое гнездо, где он познал любовь и счастье, а затем великое горе и потерю, стоит ныне пустое и разоренное — с той самой поры, как там вспыхнула хвороба.

Чагринская Чума — так ее прозвали. Она отняла у него родных, друзей, дом. А затем огонь поглотил все остальное. Живое, мертвое, больное, здоровое. Остался лишь его титул, особое право приползти в Итолу и служить этому ничтожеству — Аргольду.

Пламя уничтожило хворь, оно уничтожило и его. Корделл победил болезнь, он выжил, но можно ли назвать жизнью пустоту? Можно ли считать это победой?

Уже минуло пятнадцать лет. Теперь его земли разорены, да, там есть гарнизон среди уцелевших каменных стен, где несут службу солдаты, охраняющие границы королевства, имеются редкие угодья, угольные шахты, но и только. Шумный городской рокот никогда не вернется туда. Чагрину не суждено расти и процветать. У него нет будущего, а прошлое стало пылью. Осталось лишь настоящее, незавидное назидание, неприятное воспоминание и печальное осознание — ничто не вечно. Лишь тленность во всей безобразной красе.

Перед Корделлом раскинулся Хорград — куда меньший, чем Чагрин в юношеских воспоминаниях, но с видом еще более больным, испорченным и пропащим.

Именно орден "Пламень веры" остановил Чуму, они стерли ее источник, ткнули факелом в самое средоточие расползающейся гнили, оставив лишь камни и пепел. Огонь — лучшее лекарство от ереси, предательства, любви и ненависти, от жизни, даже от смерти. И сейчас самому Хорграду не повредит такое же исцеление.

Могилы и склепы, окружающие город, напоминали плакальщиц: стылые, серые, льют слезы навзрыд, добросовестно исполняя долг и роль.

Застыли у взрыхленного горбика земли, где некто упокоен навек под тяжестью монумента, достигающего свинцовых небес и рыдающего вместе с ними.

Здесь есть и склеп Бастеров. Корделл не мог сказать — вот тут покоится его мать, а тут — отец, вот усыпальница его братьев и сестер. Это лишь формальное разделение, у каждого есть место, урна, именная табличка и эпитафия, числа рождения, но у всех — одинаковая дата смерти.

Все они стали одним целым, смешались друг с другом, с домом и его обстановкой, со слугами и друзьями, соседями и стражниками, с домашними любимцами, с целым Чагрином.

Это не назвать фамильным захоронением Бастеров. Там обрел покой, если, конечно, обрел, весь Чагрин.

Там же уготовано место и для него. И лишь его похоронят отдельно от пепла и праха утраченного дома.

— Архму, Пурама, — бросил он куда-то назад, возвращаясь к слякотной, дождливой реальности, в которой Хорград укрепил могущество, избавившись от Чагрина.

Тут же из зарослей возникли редрины — спутники Корделла и слуги Фидес.

— Запах обрывается, — зашипел один из них. Этого звали Архму. — Вонь городища не дает учуять…

Второй редрин — женская особь, по-иному язык не поворачивается ее назвать. Та лишь запыхтела после того, как чихнула. Пурама — ее имя.

По-первости он никак не мог их различить, но вскоре пообвык к подобной компании: Архму куда мощнее Пурамы, он чуть шире и выше, а вот она — поменьше. Именно Пурама напала на мальчишку Эджина в Бертлебене.

Корделла не особо заботило, как они выглядят под слоями одежд и латов, но за долгое время вынужденного соседства в пути и сие пришлось наблюдать: обличьем они совершенно отличались от той же царицы Фидес. Оба походили больше на долговязых кошек, скажем так, но без шерсти, лишь с мелким подпушком, покрывающим пятнистую грубоватую кожу. Или шкуру? Ну и имелись хвосты, которые те обматывали вокруг ноги, чтоб не мешались и не выдали их случайному зеваке.

Некоторые повадки и привычки спутников выводили его из себя: редрины отказывались от растительной пищи, от малейшего кусочка, ненавидели цветущие кущи и обходили те стороной, хотя через них можно пройти куда скорее, а самое худшее — как смерти боялись воды…

Но вот острый нюх и глаз, как и прыть с неутомимостью, превращали зверолюдов в прекрасных охотников, преследователей, загонщиков.

Архму и Пурама крайне быстро отыскали эльвинку и ее спутника в Нуде. Герцог и редрины легко нагнали принцессу и разделили ту со спутником. Но судьба вырвала победу из рук в мгновение ока… след принцессы вновь затерялся.

Теперь она знала, кто идет по ее следу, и умело использовала слабости редринов, чтобы ускользать снова и снова.

Местонахождение цели случайно обнаружил Лескро, спустя долгое время их безуспешных поисков. Тут Архму и Пурама пригодились вновь.

Корделл упустил девку во второй раз. Опять ей кто-то взялся помогать! И вряд ли бы он сумел отыскать мерзавку в одиночку и тем паче изловить. Утонул бы в реке. Неожиданно, но принцесса эльвинов умело управлялась с обладанием. Совладать и с водой, и с тьмой — та еще задача. Как сказала Пурама, тьма способна разрушить любые силы, кроме подобной себе и еще одной — Пустоты. С Пустотой не может совладать никакая из них. Но когда он спросил редринку про Пустоту, та лишь рассмеялась… если подобные звуки можно именовать смехом.

Рассчитывать на кого-то еще он не мог. Королю незачем знать про его замысел. А от парочки редринов толку куда больше, чем от королевской гвардии. Кром етого, лишний интерес к заботам герцога со стороны ни к чему. Втроем они управятся быстрее и эффективней,

пусть принцесса и возомнила себя самой умной и хитрой. В третий раз ей не уйти, он погонит эльвинку в Чагрин, где они сыграют на его правилах!

А Викто́р Лескро — лишь слизняк, не стоит и капли внимания. Никто не поверит слову дальнего родственничка Бастеров в противовес его собственному. Можно, само собой, его убрать, но их династия и без того вымерла.

“Бастард Бастеров — красиво звучит, должен признать! — Корделл скривился. — Пусть поживет, пригодится еще”.

Хоть принцесса и ее очередные защитники оторвались от преследования и сбили запах в водах реки, редрины смогли их обнаружить и на сей раз.

И уж каким образом — при помощи одного нюха или некоего предчувствия — знать он не желал.

Архму и Пурама — такие же, как он, обладатели, избранники царицы. Или, раз на то пошло, ведь оба вкусили силу раньше, он — как они.

Редрины берегли себя, чтобы прибегать к вызову силы. У них и без того сильные ноги, крепкая хватка, острые когти и зубы. Единственная их значительная уязвимость — боязнь воды. Дождь они, конечно, переживут, но вот городской речной канал для них страшнее гнева царицы.

Фидес дала их ему для освоения нового дара, а заодно она вполне могла таким образом обезопасить себя от Корделла. Как только он перестанет приносить пользу, редрины могли бы его прикончить. Это же может сделать и он, а храмовники "Пламени веры" с этим вполне подсобят, но пока не время избавляться от помощников. С ними у него есть шансы осуществить задуманное. Это обоюдовыгодный, хоть и опасный союз — вечная черта любой политической игры.

— Впереди ничего нет. Если бы я хотел укрыться, то непременно выбрал для этого Хорград, — заключил герцог, указывая на серую громаду городища.

Он понимал замыслы новых провожатых эльвинской девки, все-таки они — люди, а в их головах роятся те же мысли, что и у него. Они наверняка намеревались вернуть ее домой, миновав перевал. Что же еще? А его задача — не дать этому произойти.

Сейчас путь отступления у беглецов есть только один — через горы Дридвинн. После Чагрина Мэриел заканчивался, на Юге начинался Зун и Ваккахия, эльвинка не настолько безумна, чтобы вновь отправиться в Эвелир, где ее поджидают Фидес и редрины. А на Западе, за горами, ее могла защитить только Пустошь, но она же способна погубить отчаявшуюся девчонку. А найти ее там не составит труда, прятаться в тех павших землях негде.

Но лучше всего схватить ее в Волчьей Глотке, меж Мэриелом и Пустошью!

Любопытно, знают ли провожатые, насколько опасна принцесса Ливия? — ведь она не просто обладательница, но и ключ к силе.

А еще приманка, лежащая на тарелочке капкана, готового сомкнуться от одного касания легкого перышка. Эльвины непременно явятся за ней и объявят ультиматум Мэриелу.

Вот тогда-то Фидес сможет положить конец их существованию. Гарда перестанет представлять угрозу. А с вернувшимся обладанием и Пустошь возродится. Аразих, Холлуна, Зун и Вертранг преклонят колена… Все от края до края перейдет к людям. Разделить Мэриел пополам с редринами? Почему бы и нет? Он же коротает время на лагерных стоянках с хвостатыми тварями.

Но только не навсегда. Однажды придет час избавиться и от них.

Воля Варлага наконец исполнится. Всему Мэриелу суждено покориться людям — самому великому из народов. Корделл осознавал, что может и не застать сего триумфа, но оставаться в стороне непозволительно.

Как только он схватит принцессу, мир устремится в новую эпоху. Если же она сбежит — вскоре принесет погибель всему, что возводилось веками. Но катастрофа разразится только в том случае, если он не отыщет ее в Хорграде. А он отыщет. Должен.

— В город вам нельзя, — сообщил герцог, направляя коня к крепостным стенам, — но у меня есть укромное место, где вы спрячетесь.

— Стой, гумм! — окликнула Пурама. — Странно, я чую редринов!

Архму тоже стал жадно вдыхать промозглый воздух, выпуская облака пара из-под капюшона.

— Что бы это значило? — вопросительно воскликнул Корделл, но не остановил коня.

Глава 2. Ночной разговор

Раздался шорох. Это Грофф взял ведро с песком и потушил тлеющие угли в камине. После сонными движениями кочергой размешал смесь золы и пыли. Он и не подозревал — его книга обратилась в ничто. И не узнает он этого. Незачем ему знать.

Грофф хотел помочь, дать ответы на вопросы, пролить каплю света на полотнище безграничной тьмы. Старик и не мог помыслить о зле, заключенном на этих страницах. Но то вполне способно пробудиться, ожить, укорениться в нашем мире.

И не мог он представить, что от этой тьмы кто-то избавится. Может, для него самого это никакое не зло? Просто слова о прошлом, которые не способны влиять на настоящее, а тем более на будущее. Лишь легенда. Просто бумага и кожа. Но для Варлага — это кости, плоть и кровь. Способ напомнить о себе, сделать мир таким, каким король его видел. Но у него ничего не выйдет.

Любая борьба начинается с малого. С самого себя. И Ричард в ней победил. Выиграл в самый первый раз.

— Ричард?.. — то ли удивился, то ли окликнул его Грофф.

Лампа давно погасла, а парень по-прежнему сидел в гостиной, уставившись в никуда. Разочарование и непонимание отступили, но заснуть он бы не сумел.

Его ждала удобная, чистая, красивая и такая одинокая комната. Его. Смешное определение! Ведь это временно... Тут у него ничего нет. Штопаная старая одежка, походный мешок и лук. А еще он сам — с множественными сомнениями, стремлениями и глупыми мальчишескими желаниями. Так и сидел Ричард внизу в какой-то полудреме, завернувшись в воображаемый кокон. Не из сожалений и печалей, не из осколков разбитого сердца, а из спокойствия и равновесия. Какого-то ступорозного оцепенения. Его похитили и подменили… Но какая разница, если это помогло?

— Да? — отозвался юноша, вглядываясь в бархатный и теплый полумрак комнаты, где виднелась фигура мужчины. Нарушитель одиночества не принес лампы, как и не зажег ту, что стояла на столе.

— Ты в порядке? — поинтересовался Грофф. Волнение за Ричарда или забота в его вопросе не угадывались — возможно, из-за слишком скрипучей манеры говорить?

Юнцов сложно понять, вроде и сам ты когда-то вел себя так же, но со временем все это выветрилось. Но Грофф понимал. А говорить прямо и осознавать творящееся с мальчишкой — разные вещи, не само собой разумеющиеся.

Ему теперь трудно, почти невозможно поверить собственным воспоминаниям, вообще прошлому, где он далеко не всегда оказывался рассудителен и решителен.

Грофф любил, плакал, смеялся, надеялся, разочаровывался. Обретал и терял. Падал и поднимался. Сердце его разбивалось вдребезги сотню раз, столько же парило на крыльях любви, выскакивая из груди точно птица, которая выпорхнула на волю из тесной клетки.

Мечтал и творил, уходил, чтобы затем возвратиться, и не возвращался, ибо как-никак однажды тебе придется переживать расставание. Все появлялось, потом исчезало, крутилось и вертелось, замирало и стояло на месте. Заканчивалось, а потом начиналось заново.

Зачастую все происходит само собой. Хочешь не хочешь мир крутится-вертится, даже если ты сам присел отдохнуть, и глупо полагать, будто лишь вокруг тебя, хотя и очень хочется. Вся Ойра, солнце, луна, и ты вместе с ними пребываешь в этой безумной пляске. А рядом с тобой кружатся и другие: в одиночестве, парами или группами, плотно сцепив руки, лишь бы не оторваться и не затеряться на шумном балу, имя которому — жизнь.

Вы сходитесь, чтобы потом оказаться в разных углах, а иногда из самых отдаленных мест вас тянет друг к другу. И так продолжается без конца! До тех пор, пока все это не надоест. А ему в один день надоело. Передышку можно взять всегда. Приключения и путешествия никогда не закончатся, но на всё тебя не хватит.

В какой-то момент нужно подумать о спокойной и сытой старости. Гарретт не ожидал, но она наступила так быстро. Раз, и вот тебе на! — непрошеным собеседником уже сидит подле тебя.

Мужчина думал — в Бертлебене обретет покой с новой подругой, от прикосновений которой на висках серебрятся волоски, а на лбу и вокруг глаз все четче проявляются морщины, но судьба решила иначе. Или он сам ждал этого знака, очередного повода? Ведь слишком уж долго оставался возле стола с закусками на этом балу и игнорировал предложения дам, отчаянно пытавшихся пригласить его на танец.

Этап, в самом его начале, тот, который у Гроффа остался так далеко позади, переживал сейчас Ричард. Подумать только, ему всего семнадцать лет! Оттого юнец каждое слово и воспринимал иначе. Грофф когда-то вел себя подобно, не хочется в этом признаваться, но попробуй найди того, кто в такие-то малые годы отличался хладнокровностью, благоразумием и выдержкой, чтобы не творить глупостей. Уж точно не Гарретт Грофф, в сравнении с которым Ричард Эджин — сущий паинька!

Можно сделать вид, будто тебя это не заботит, что ты ничего не замечаешь. Но это не так: Грофф не настолько закостенел и вполне понимал мальчишку, который едва ступил на путь геройства, встретил прекрасную эльвинскую принцессу и, не иначе, потерял от всего этого голову.

Грофф заметил, но не специально, как Ливия после ужина, оставшись с Ричардом наедине, после их… Что они там делали? Разговаривали? Хм! В общем, после этого принцесса направилась в свои покои, а парнишка — нет. И думать особо не нужно — тот признался в чувствах, а она ему отказала.

— Порядок, — отвечал Ричард на его вопрос о том, все ли хорошо.

— Для печалей нет времени. — Грофф сел подле. — Хочешь поговорить об этом?

— Я знаю, но порой необходимо и погрустить, — признал Ричард, удивляясь немного тому, насколько старик участлив. — Не знаю, хочу или нет, но что ты думаешь от меня услыхать? А что скажешь сам?

— Скажу: отпусти ее. Ты это и сам понимаешь. У тебя все еще впереди.

— Гробб, ты будто в курсе всего на свете! — воскликнул парень. — Или умеешь читать мысли? Вдруг ты… один из них! — Он немного помолчал, не желая, чтобы это слово вновь прозвучало, но в конце концов произнес: — Обладатель.

Тот лишь усмехнулся — парень не видел этого, но слышал тихое фырканье.

— Ох, нет, я избежал такой участи, что ты! Ну, нетрудно догадаться, Ричард. Я же не слепой и не глухой. И с мозгами у меня все в порядке.

— Я не это имел в виду! Вовсе не считаю тебя старым, а тем более недалеким…

— Ну конечно! — Мужчина, вероятно, хлопнул себя по коленям.

— Тебя не проведешь, эх, все тебе с самого начала стало понятно, не так ли?

— Я же мужчина, вполне могу войти в твое положение…

Мужчина. Это напомнило ему их с Ливией разговор и отчего-то сделалось не по себе. Гроббса пугали обладатели, а Ливию — выходит, мужчины?

— Ты знал? — спросил Ричард у него. Разумеется, знал. Он все знал, все на свете и куда больше. Только не делился этим, пока не спросишь. А коли и так, мог запросто вывернуться. Такой уж наш Гарретт Гробб…

— Ты про что?

— Про двух королев у эльвинов.

— О-о-о! — протянул Гробб. — Вы обсуждали разности государственного устройства? И на этой почве возник конфликт? Интересно…

— Ха! Куда там! — Опять он подтрунивал над ним, но тон старика казался таким мягким, как шуршание бумаги. Раньше, вероятно, Ричарда бы это обидело, но сейчас он улыбнулся в темноту. — Но для меня это оказалось неожиданно.

— Ну, в мире полно всего необычного, непонятного и неожиданного. Тебе, можно сказать, повезло…

— Ага. Только вот… Гробб, а у тебя была жена? — внезапно выдал он, сам себе удивляясь. С чего бы ему вообще лезть в чужое дело? — но слово не воробей. Раз начали откровенничать — что ж, только вперед! Отчего же не спросить? — А дети у тебя есть?

Гробб помолчал. А Ричард впился ногтями в ладони. Вот же болван! Зачем вообще спросил об этом. Одно дело говорить о его нелепом *недопризнании* Ливии, а тут ведь другое… Здесь могла затаиться какая-то трагедия, один из шрамов на его теле, который так и не зажил.

Тишина казалась гнетущей и тягучей. Она не заканчивалась так долго, поэтому он сам решил ее нарушить:

— Прости! Не отвечай, если не хочешь. Я это просто так спросил.

— Эльвины — привлекательный народ.

И тут Ричард все понял, Вейа бы точно удивилась его нынешней проницательности, только вот обсуждать с ней все это Ричард пока не собирался. Итак, Гробб когда-то тоже любил. Кого-то из эльвинов! И их связывала не просто влюбленность, а *всё*! Но они не смогли противостоять миру, не сумели бросить ему вызов… Им не удалось сохранить любовь, если только не в сожалениях и мыслях о прошлом. Это же ждет и их с Ливией…

Гробб помолчал немного, видимо, глубоко призадумался. Ричард уж решил, что старик прямо отвечать не станет, но тот не увильнул, а от сказанного им парень чуть не свалился со стула.

— Я любил ее больше жизни. Королеву Гуар Данна. Одну из… Странно это, да? Две королевы-матери… Мне это тоже казалось безумием, но только поначалу, все-таки их законы позволили эльвинам выжить после гибели Старого Мира и оградили Гуар Данн от пламени амбиций правителей-мужчин.

— Джархи улыбнется во весь рот! — ахнул Ричард. — Неужели… Неужели! Ого!

Юноша потерял дар речи. Поэтому-то Грофф и согласился сопроводить Ливию домой. Чтобы увидеться с королевой, своей возлюбленной! А еще… Такое возможно только в любовных романах Ильды, но а кто его знает?!

— Выходит, Ливия… А вдруг… Она сказала, что не знает, кто ее отец…

— Что тут еще добавить? — вымолвил не сразу Грофф (не так спокойно, как ранее). — В любом случае, моя она дочь или нет, я должен доставить ее домой.

— Понимаю, — согласился Ричард. — Этого и мы хотим, я и Вейа. И Магнус. Ливия, само собой… И…

— Да, и я. У меня не просто романтический интерес, чтобы ты знал, Ричард. Ты, конечно же, считаешь — для меня это повод повидаться с бывшей возлюбленной…

— Ничего такого, Грофф! Я осознаю: путь туда слишком долгий и опасный, чтобы мы с Вейей сопровождали вас и не стали обузой. Это просто мечты. Начитаешься всякой чуши и рвешься геройствовать, вот что…

— Ты будто прозрел, мальчик. Или тебя подменили?

— Ага, эльфы подменили.

— Воспользуюсь этим моментом. Только хочу попросить пока что не распространяться о нашей беседе.

— Я сохраню твой… секрет.

— Не назвал бы это большим секретом, Магнус меня слишком хорошо знает, например… Но не будем об этом! Лишние думы и переживания нам всем могут помешать.

— Спасибо за доверие.

— Вечер откровений сегодня, ничего не попишешь.

— И я поговорил со всеми… кроме Магнуса.

— На это еще найдется часок, а у моего стародавнего приятеля — рассказ для тебя. Так уж вышло, у каждого из нас есть скелет в сундуке, может, и не один.

— Даже у нас с Вейей…

— Да, теперь у вас есть тайна, которую придется бережно хранить.

— Мы лгали родителям, Грофф…

— И вам придется делать это всю жизнь.

— Прямо как тебе?

А вот тут Грофф не ответил. Зашуршали одежды, старик встал:

— Предлагаю отправиться спать.

— Не возражаю, — выдохнул Ричард, борясь с внезапно подкравшейся к нему зевотой.

Парень последовал за Гроффом наверх, зная — их ночной разговор не подпустит сон так скоро, пусть тело и требует отдыха. Все-таки внезапные откровения и их осмысление выматывали не хуже, чем погоня и побег.

— Доброй ночи. — Грофф впервые хлопнул его по плечу, отчего Ричард чуть не подпрыгнул.

— И тебе! — Юноша улыбнулся ему, но тот, конечно, этого не увидел.

— Утром у нас много дел, постарайся выспаться.

— Непременно. Будет сделано! Поспать я горазд!

Ричард еще немного постоял в коридоре, покуда не стихли шаркающие шаги и тихонько не затворилась дверь в самом конце.

И вот он снова один в отведенном ему покое, поглощенный лишь глядением в резной потолок. Книгосожжение, этакое импульсивное таинство под воздействием хорградской атмосферы, лишь частично угомонило душевные метания, пока не состоялся откровенный разговор со стариком, зародивший в сердце иные тревоги и понимание обреченности его надежд… Но затем он задумался: в соседних спальнях — сестра, Ливия и Грофф, новый знакомец Магнус, который их выручил. Все живы и здоровы. А его роль заключается в маленькой помощи

предстоящему большому делу. И он сделает все для близких и друзей. Если любовь между ним и Ливией невозможна, то дружба его вполне устроит. Приняв этот компромисс, парень наконец уснул.

***

— Ричард…

Так начиналось каждое его утро.

— Вейа, дай поспать! — сквозь сон пробормотал парень. Ох уж эта Вейа! Вечно просыпается раньше всех. И откуда у нее столько жизненной активности?

Полоска солнечного света проникла в комнату, поделив ее пространство пополам. Он не сразу осознал, где именно находится. Это вовсе не его привычная спальня — от пола до потолка сплошь деревянная, заставленная вещами и книгами. Сонно юноша осмотрел потолок с лепниной, которую будто увидал в первый раз, стены, украшенные переплетением замысловатых растений, и пузатую резную мебель.

— Ричард? — Снова его имя прозвучало за дверью, а парень сразу подскочил. Невероятно! Он принадлежал вовсе не кузине, а Ливии! — Доброе утро!

— Да? — отозвался он, пытаясь подавить нотки паники, которые отчетливо звенели даже в этом столь коротеньком слове — “да”. — Ливия, это ты? — Глупо прозвучало, но сказанного не воротишь.

— Можно войти?

— Э… Конечно… — промямлил он, сначала смахивая покрывала, а затем укутываясь в них с ног до головы. Пожалуй, второй вариант предпочтительнее. Она, разумеется, уже видела его в спальной одежде, но сейчас он ощущал себя полностью нагим и обезоруженным перед ее внезапным появлением. Наверняка и принцесса испытывала нечто подобное тогда, в Бертлебене, ведь не только Ильда, но и он самолично много дней ухаживал за ней.

— Я принесла тебе одежду.

— С-спасибо, Ливия, это очень любезно… И доброго тебе утра.

Дверь отворилась, а Ричард полностью проснулся. В комнате появилась она — подобно утреннему свету, снизошедшему на мрачный Хорград. Парень даже потер глаза. Но нет, это не видение. Ливия стояла прямо перед ним, держа в руках его вещи. Она облачилась в прежнее одеяние (привычное и для Ричарда); он вновь осмотрел крой ее одежд, замысловатые узоры, легкие следы дальних странствий, страданий и утрат, которые никуда не делись, хоть Вейа все отстирала и аккуратно подлатала.

— Малость, которую я способна для тебя сделать. — Он подметил, что у нее несколько виноватый вид. — Куда положить?

— С-сюда… — Он указал подбородком на край кровати. Его руки все еще скрывались под толщей покрывал.

— Ты не заболел? — поинтересовалась она, изучая парня, который завернулся в тканевый кокон.

Это невероятно странно! Сама принцесса эльвинов пришла к нему в спальню будто горничная. Он понимал — так она хочет отплатить за его хлопоты, но краснота расползалась по лицу — ужасно стыдно!

— Нет. Не заболел. Я здоров! Ночью просто немного прохладно… — отвечал тот, кутаясь все сильнее. Под покровом постельного белья стало невыносимо жарко. И, разумеется, виной тому ее приход. — Как ты?

— Хорошо, — пропела она. — К слову, все давно проснулись. Грофф попросил тебя поторопиться. Вы с Вейей нужны ему сегодня… — Далее ее голос немного погрустнел. Оно и ясно! Ведь самой Ливии все это время придется провести в заточении. Пусть дом Магнуса прекрасен и полон интересных вещиц, но от одного факта не отмахнуться: все нахождение девушки в Мэриеле, в их Мэриеле, сущая ссылка каторжника.

— Конечно. Я мигом!

— Тогда я пойду, — подытожила Ливия.

— Спасибо еще раз… За… Спасибо!

— До скорой встречи, Ричард. — Девушка собиралась покинуть его комнату.

— Касательно нашей вечерней беседы… — внезапно выпалил тот, сразу же об этом жалея. Ливия опустила руки, секунду постояла к нему спиной. И сам Ричард тоже замер. Но затем она обернулась. Казалось, лицо ее не омрачилось, но в глазах нечто сверкнуло — странная смесь недовольства и понимания.

— Я немного подумал об этом… Ну, может, излишне много, — продолжал тот. Говорить стало тяжело, аж во рту пересохло. — Все в порядке. Я понимаю. И хочу сказать — ты можешь на меня положиться.

— Я рада это слышать, Ричард, — отозвалась она. — Порой сложно понять и принять собственные чувства, не то чтобы чужие…

“Погоди-ка! Она говорит не только обо мне? Получается, ей тоже сложно понять… — Внезапное озарение снизошло на него. — Вот в чем дело! Хм, вся эта история с избранницей и королевами… Ох! Не только я один запутался во всем, но и Ливия тоже. Она и сама разрывается меж двух сторон: у нее есть долг перед эльвинами, а еще, еще…” — От объятий одеял стало совсем душно! — Но вместе мы со всем справимся, — закончил он, сбрасывая покров, подушки и пелену лишних дум.

— Непременно, — ответила девушка, улыбнулась, а затем вышла.

Он какое-то время слышал ее шаги. За окном пели птицы — вовсе не тот пронзительный гвалт грачей, громыхали коляски, народ желал друг другу доброго утра.

Доброе. Оно определенно такое. Тени сомнений, как и воображаемый голос Варлага в голове, отступали перед светом этого восхитительного дня.

— Так вы уже поцеловались или как? — Ричарда отвлекло внезапное появление Вейи. Дверь осталась приоткрытой; ее любопытное тонкое лицо возникло в щели. Прежде чем в девочку полетела подушка, та исчезла.

Топот башмаков и веселый смех кузины разносились по всему дому.

Глава 3. Два разных утра

Наличие на окнах в каморках “Червивого Яблока” не то чтобы занавесок, а хотя бы полуистлевших тряпок — куда уж там до добротных ставен! — сделало бы нападение утра, а иначе никак не назвать, не столь внезапным. Яркое и жизнерадостное начало дня ворвалось в комнатушку, вытесняя влажный полумрак, а после загнало его под изъеденные короедами и мышами половицы. Включая паутину, растянутую по углам рыболовными сетями с богатым уловом тараканов и мух, свет превратил в нечто сверкающее и не столь омерзительное. Особо преобразить сию убогую опочивальню вмешательство солнца не могло, но тепло и свет немного скрашивают любое злачное местечко. А уж как это живительно действует на того, кто столь долго находился во тьме и зловонии, пусть даже отдых твой закончился и пора вставать!

Девушка улыбнулась, наслаждаясь мимолетной негой, зашевелилась, потянулась, а ее колени во что-то уперлись, точнее, в кого-то. Сознание и осознание близнецами ворочались во чреве ее разума, но пока все еще не изъявили желания брыкаться столь сильно, чтобы появиться на свет, который их, кстати, вот-вот к этому побудит.

“Что вчера вообще происходило? Зубастик... Мы с Бронти встретили в Морабатуре королевского амбассадора — Викто́ра Лескро”.

Все еще дремлющий мозг никак не мог взять в толк, отчего встреча с Лескро завершилась тем, что сейчас в ее постели разлегся кто-то посторонний. Подобная близость с другим мужчиной (с братом-то они часто спали вповалку) ей показалась неожиданной, почти невозможной, — но нет, рядом с ней наслаждался сном и покоем… вовсе не Бронт, а королевский приблуда.

“Вот же! Угораздило! Хотя, как уж вышло… Осталось же что-то приятное. Нечто светлое, похожее на нынешнее утро. После долгих дней пути, провала в Альсвеге, лживого пр*и*зрения Фидес, ворчания редринов, явных и фигуральных гроз да ливней — разве я не заслужила вот так проснуться? Ну а насчет Бронти не стоит тревожиться, он сейчас, верно, заканчивает походы по кабакам и борделям. Интересно, кто за него платит? Мы ведь совсем на мели”.

Мысли снова превращались в студень. Думать совсем не хотелось. Просто никакого желания нет! Занзара крепко сомкнула веки и уткнулась в соломенную подушку лицом — ее наполнение воняло затхлостью и пылью.

Нарастающий снаружи шум вновь отчетливо обретал форму Колеса, которое она часто воображала в минуты внезапных откровений. Вот и сейчас воображение живописало ее собственную нить, нить Лескро, Бронти, принцессы Ливии, царицы Фидес, Наставника и даже Короля-Обладателя, которые свивались в одну веревку; а уж затем эта пуповина (белесая, опалесцирующая, но местами кроваво-красная, как и подобает канатику жизни) с противным треском и хрустом наматывалась на Колесо, вместе с другими такими же отростками, тянущимися со всего треклятого Хорграда.

Виски будто зажали в тиски. Вот и низкопробная поэтика нагрянула! А под тяжелыми веками плясали красные, белые и черные в бело-красной кайме пятна.

Тогда она снова перевернулась, затылок не столь требователен к материям, с которыми соприкасается, как и к запахам. В последний раз он прекрасно чувствовал себя на плоском камне с подложенным под шею плащом.

Все происходящее (или *не* происходящее — ведь она просто бессильно валялась в грязной постели) наконец перестало казаться звонким, раздражающим, чрезмерно живым.

Теперь ее лица коснулся солнечный луч, он скользил по коже девушки с излишней теплотой, не говоря уже про царапающую веки яркость. Она вздохнула и моргнула пару раз, просыпаясь — не окончательно, но все же.

Еще ее пробуждению способствовали кукареканье, блеяние, ржание, цокот различных копыт, обитых железом башмаков и колес, шлепанье влажного белья и всплески помойных ведер, крики *“Пирожки с требухой!”* и “*Прощение любых мелких грехов всего за один серебряный арг!”* — все это закрутилось, поднимаясь к одному-единственному оконцу размерами локоть на локоть, взбираясь до самого третьего этажа трактира “Червивое Яблоко”.

Внезапно какофония перестала казаться чем-то цельным и хоральным, тем самым Колесом — все вновь развалилось на фальшивые партии, неблагозвучные ноты. И она такая же — надломленный писк, визг, дисгармония, нечто отдельное, выбивающееся, уродливое и вызывающее. Узрите! Услышьте! Вот же я — во всей красе, во всем безобразии!

Девушка поморщилась, но вовсе не из-за столь бурного утра в Морабатуре, видений или соседства мужчины рядом с ней в койке. Наверное, так правильно, точнее — это правило, она всегда пробуждалась подобно, ее выдергивали из уютного гнездышка снов и мыслей, покоя и счастья, а затем швыряли в балаганный, безобразный и большой мир.

“С утром…” — Теперь добрым его язык не поворачивался назвать.

Особо одеваться ей не пришлось, ведь намедни *не особо* кто-то из них раздевался (она так точно). Но отсутствие на лице маски, скрывающей обычно ее изъян, вызывало легкую панику. Одно дело, что Лескро не отвернулся и не убоялся ее лика при оплывшем масляном свете вчера, иное — если он — довольный, как и любой прочий мужчина, проведший ночь с женщиной, увидит всю “красу” Занзары этим чудным погожим утречком. Да, такое может его перепугать!

Но Викто́р еще видел десятый сон, а Занзара успела отыскать маску и выудить клинки из плена жестких подушек, набитых измолотой трухой. Тогда-то королевский посланник зашевелился, волосы его разметались по вовсе не белоснежному, а какому-то серо-бурому постельному белью, а обнаженные ключицы, грудь и плечи выглядывали из-под дырявого покрывала. Лескро выглядел не таким уж скользким и квелым, как обычно, а на удивление мужественным и привлекательным. Сказочно красивым? Пожалуй. Вы только посмотрите — само солнце влюбилось в махагон его волос!

“И вообще-то он вполне хорош собой…” — задумалась убийца.

Дело в том, что расслабленное лицо Зубастика лишалось хищного оскала и крысиного азарта, которые почти не покидали его во время бодрствования, когда он смаковал пикантную сплетню или в очередной раз придумывал план мести всему Мэриелу за какую-то мелкую обиду в свой адрес.

И вот в такой сонный утренний миг Занзара его застала совершенно иным. Собственным лицом в отражениях она отнюдь не любовалась, наоборот, старалась не задерживать на нем взгляд. Образы иных людей или нелюдей (ведь довольно времени она проводила в компании редринов или таких прохиндеев, кого к человеческому роду и не отнесешь) ее внимания тоже особо не удостаивались, но тут с ней случилось что-то неожиданное — ей хотелось наблюдать за Лескро, просто глядеть, как он спит.

Все это продолжалось долго, насколько ей удалось различить ускользающий зазря поток времени. Но тут Занзара поняла одну простую истину — она не знала, как вести себя в подобном случае.

На месте обыкновенной девицы она бы поцеловала его, разбудила объятиями нежными, переходящими в страсть, но на деле наемница едва сдержалась, чтобы не спихнуть Виктóра на пол.

Его блаженство и безмятежность лишь на какое-то время вызвали в ней нечто вроде умиления, а отсутствие привычки к подобному пробуждению провоцировало ее вести себя знакомым и самым ординарным для нее образом. Но покуситься на покой Лескро девушка не успела.

Тум! Тудум! Тум!

Деревянная защелка на двери задрожала в такт ударам.

Дум! Дум! Тудум!

— Эй, Занз, эт я! — Басок Бронти, как и непрекращающееся давление на дверь, теперь пробудили и Лескро, а еще любовников в соседней комнате — они снова буквально взревели и зашлись одой страсти. — Зубастик, того самого, с тобой?

— А? Что? — Лескро вскочил на месте, когда Занзара ответила братцу и двинулась к дверям. Бронти втиснулся меж косяков, к одному из которых прислонилась девушка. Единственный глаз громилы вцепился в заспанного Зубастика.

— И тебя с добрым утром! — Наемник окинул взглядом сестру и посланца, натягивающего покрывало до самых ушей.

— Что-то важное? Есть новости? — Занзара решила избежать разговоров или расспросов о том, кто и как провел прошлую ночь; она прошла и точка. Неловкость вызывали лишь соседи, но искать другой уголок для разговора она не планировала, ведь их беседу никто попросту не расслышит из-за ненасытной парочки.

— Герцога не видать, как и эльвинов, — начал докладывать Бронти. — Наши редрины приказов твоих не нарушили, окопались в роще за стенами. Охотники скучают, чернь — тоже. Капитулы, свора Кардинала, считает золото из Флорина и Гинеи. Даже еретиков сегодня не “выгуливают”. Короче, ничего интересного не происходит… Разве что, распогодилось, но это вы и сами заметили. У трактирщика новое пиво, вчера поил нас редкостным дерьмом, бочоночными остатками. Вот, пожалуй и все.

— Про пиво — это важно… — вякнул Лескро, пыхтя под покрывалами — это он там пытался одеться, все еще стесняясь наготы аки девственница. Но на его замечание никто внимания не обратил, выйти вон, дабы дать тому совершить дворцовый утренний туалет, тоже никто не собирался.

— Спасибо, Бронти. — Занзара похлопала того по плечу. — Вижу, ты занимался делом, а не только развлекался.

— Что-то типа того.

Соседи за стенкой неистово завизжали и зарычали, что вогнало Зубастика в краску. Да, наблюдать за его конфузом потешней некуда. Занзара скривила губы в ухмылке, разумеется, никто этого не заметил из-за ее маски.

— У тебя есть писчие принадлежности, Виктóр? — внезапно поинтересовалась она.

— Е-есть… — отозвался тот, замерев и оставив неудачные попытки, вестимо, натянуть штаны и зашнуровать их. Сложная, почти непосильная задача, если одной рукой ты держишь покрывало, а другой пытаешься сделать все остальное. — А что?

— Рисовать умеешь? Насколько хорошо?

— Не писал портреты и пейзажи, натюрморты и…

Три глаза засверлили его столь сильно, что он замолк.

— Мы пойдем и подсуетимся насчет завтрака. А ты окажи услугу и изобрази за это время портрет Корделла.

— И зачем он тебе сдался?

Она вздохнула, нет, право, этот парень ее раздражал. И почему он корчит из себя дурачка? Ей хотелось съязвить что-то вроде: “Повешу на стену!”, но она решила не тратить слова и минуты на препирательства, ведь они точно зацепятся друг за друга языками… И лучше бы это произошло буквально, но от этого мимолетного желания она отмахнулась.

Итак, у нее родился план, как насолить Корделлу и отстранить его от охоты на эльвинку Ливию. Если все получится, тогда герцог вылетит из игры, а они займут его место. Если же он продолжит преследование, то окажется весьма ограничен в возможностях, а Занзара появится в тот миг, когда бледная поганка нагонит принцессу, если нагонит, конечно. Раз уж есть основания полагать, что девчонка заявится в Хорград (если пока еще не тут), всем им надлежит совершить некоторые приготовления. Для Зубастика роль тоже найдется. В конце концов, если она поймает беглянку, ей придется тащить ту обратно в Эвелир, а вот доставку послания Фидес к червяку Аргольду можно поручить Лескро, который спит и видит возвращение к столичной жизни с великолепием дворцовых интриг и сплетен. Но не только из-за этого королевский посланник ей необходим.

Не только…

Занзара вздохнула.

— Отнесу его в гильдию наемников, разве не понятно? — процедила она, правда, не столь ядовито и язвительно, нежели в какой иной день. — Хочу немножко разнообразить визит Корделла в Хорград.

— Объявить охоту на самого герцога?! — Глаза Лескро округлились, он лихорадочно облизал губы. — Я в деле!

— Правда, потребуется залог. Поэтому я заберу твой помандер. Такая плата с тебя за еду и ночлег.

— Ох! Только не это! Только не мою драгоценность!

— А что еще мне предложить в награду за поимку? Тебя?

Бронти молча осклабился.

— Не переживай, скоро он тебе не понадобится, ведь тебя ожидает дело в Игнисе, — кратко посвятила его в свои замыслы девушка. — А предстать перед Кардиналом в столь неприглядном виде тебе попросту не позволят…

— Кого-то ждет головомойка с храмовыми мальчиками! — Бронти хохотнул.

— Чей бы бык яйцами размахивал! — Лескро смахнул покрывало, разозлившись, его уже не смущало нахождение в одних лишь подштанниках в их обществе. Он натянул наконец лосины и зашнуровался, с вызовом глядя на громилу. Полуобнаженным он промаршировал по комнате, порылся в пожитках и с видом армейского генерала вручил Занзаре золотую побрякушку, призванную при помощи нюхательных солей и ярких травяных ароматов спасать утонченные носы знати от вони трущоб и схожих по скверности мест, вроде тюрем, приютов и лечебниц, с целью показной благотворительности и всяческих *благо*пристойных дел, творимых под прищуром отвращения и брезгливости.

— Он нужен нам. Не приставай, братец.

— Ладно. Ладно. Я вовсе не против Зубастика.

— Эй, я пока еще здесь! Хватит меня так звать!

— Ждем внизу, Викто́р. — Девушка не стала возиться с корсетом, лишь набросила накидку, покрыла голову с короткими волосами капюшоном и двинулась к братцу.

Бронти послушно последовал за сестрой.

— Он не так уж и плох в постели, — бросила брату Занзара, оглянувшись напоследок перед выходом.

— Ишь какой! — брызнул Бронти, скривившись в ухмылке; исполосованные шрамами татуировки на его лице зашевелились вместе с мышцами, поползли в разные стороны, а затем вернулись на место.

Торжествующий Лескро, получивший от женщины его мечты похвалу, кивнул им вслед, уперев руки в бока, мол, то-то же, Бронт!

***

Когда Ричард вошел в гостиную, все уже расположились за огромным, нет, просто гигантским столом и принимали завтрак. Этот предмет мебели и вчера, в полумраке, при масляном свете ламп и приглушенных сполохах камина казался парню невероятно большим, но теперь, когда тени не жались по углам, он предстал до одури нелепым, зато всем хватило места, тут хоть еще столько же гостей посади — даже с вытянутыми в разные стороны руками они не коснутся друг друга и кончиками пальцев.

Разглядывая присутствующих товарищей в дальнем конце помещения, юноша несколько прищурился. Сейчас, между прочим, комната оставалась довольно темной. Хоть окна и выходили в сад за домом, а тот от остальных соседей отделяла высокая стена (Ричард вчера обратил на это внимание), портьеры на всех окнах раздвигать не стали, конечно же, из-за Ливии — ведь следовало сохранять ее присутствие здесь в строжайшей тайне. Только одно из полукруглых высоких окон избавили от штор. В этом-то пятне света и очутился Ричард.

— Хм-м-м… — многозначительно хмыкнул Грофф, заметив юношу. Он оторвался от чтения некой брошюры — вроде бы с торговыми объявлениями, а не с важными новостями — сложил ее точно походную карту и убрал за пазуху, отодвинув подальше зажженную лампу. Старик, разумеется, восседал во главе стола, заняв место, можно полагать, Магнуса (тот, судя по виду, явно не возражал против такой наглости приятеля), все остальные расположились от него по левую руку, спиной к окнам.

— Обычное дело! — протянула Вейа, мешая ложечкой чай. — Он — тот еще копуша.

— Доброе утро, — поздоровался Ричард, пропустив слова кузины мимо ушей. — Немного задержался…

Дело в том, что сперва он заглянул на кухню, в которой они вчера стряпали ужин, стирали одежду и все такое прочее. Только вот там никого не обнаружилось. Он, предположив, что все ждут в гостиной, двинулся туда. Собственно, только путь в эту комнату, кроме кухни и прихожей, на первом этаже в доме Магнуса он и знал, но попутно заглянул за пару двустворчатых дверей и бегло ознакомился с убранством и содержанием иных помещений. В этом крылась основная причина, отчего он все никак не мог дойти до столовой.

Только вот делиться тем, что у него челюсть отвисла от обнаруженных диковин — кстати, он ничего не трогал руками! — парень не собирался, дабы не злить Гроффа, который лишь этой ночью наконец проявил к нему расположение. А ведь старик еще не знает про сожжение “Молота Варлага”, ну, как говорится, еще не вечер! Отчего-то Ричарду казалось, что хозяин дома не станет на него серчать, если провести пальцем по какой-нибудь статуе, вазе или скрещенным алебардам на стене, а иную мелочь и вовсе покрутить в руках. Но только не Гарретт Грофф!

Ну так вот, вскоре он услышал разговоры и звяканье посуды, что подтвердило догадки об общем сборе внизу, покуда он *копался*: сперва у себя в спальне, радуясь визиту Ливии, отчего никак не мог собраться, затем гуляя по дому Магнуса и таращась на все с неподдельным

изумлением. Но до этого ему чудилось, что в особняке — ни души, ведь стояла настолько прекрасная утренняя тишина, нарушаемая лишь незначительными звуками: щебетом птиц, редким ржанием лошадей (пора их почистить!) и отдаленным городским гулом — отнюдь не раздражающим, как предполагалось, Хорград-то огромный и народу тут полно. Примерно так же спокойно начиналось изо дня в день утро и в Бертлебене.

Но они ведь не могли уйти куда-то без него? Или могли? А что насчет Ливии? Вдруг старик подыскал для нее некое иное место, где принцессу не потревожит постоянное соседство с наивным влюбленным болваном Ричардом! Ну, так поступил бы любой отец (или даже предполагаемый), взять, к примеру, папашу Норы Беретт, который к нему сызмальства приставал с расспросами насчет серьезных намерений по отношению к его маленькому сокровищу. “Да, я — серьезных намерений, господин!” — лепетал маленький Ричард, а Нора, заливаясь краской и теребя подолы юбок, противно хихикала. Облик подружки Вейи в его разуме сменился иным: каштановые букли обратились песочными прямыми прядями, капризные пухлые губы сделались трогательной улыбкой, миг, а лицо Норы почти стерлось, перед ним только она — Ливия. Споткнувшись о край ковра, он почти кинулся по нескончаемым галереям, надеясь, что его опасения не сбудутся.

“Зная Гроффа, можно ожидать всякого!”

Но все тревоги испарились подобно вчерашним следам ненастья. Парень заулыбался, найдя всех тут, а еще и по иной причине — Ильда бы назвала ее *“сентиментальной”*.

“Ах, Ильда, хочется верить, ты не попала в какую-нибудь беду и у тебя все складно!”

Теплотой чувство расползалось в его груди. Хоть эта трапезная размерами превышала десяток кухонь в их доме, а еще и декорирована будто настоящий дворец (дворцы и тамошние залы Ричард, безусловно, видал — на гравюрных иллюстрациях в книгах), но сама царящая тут обстановка напомнила ему их с Вейей простые деревенские завтраки в родном и дорогом Бертлебене.

“Как здорово мы могли проводить время дома… Вместе со всеми…” — Только вот он прекрасно понимал — не произойди история с появлением Ливии в лесах Предгорья, не суждено им восседать за одним столом — большим иль маленьким. Ну, только с Гроффом, который, к слову, обедал в доме Эджинов всего один раз, а вообще-то Ричард его знавал сколько себя помнил.

Он снова глянул на Ливию — та распустила косу, уложив волосы так, дабы те закрывали остроконечные уши.

“Вероятно, это все указка Гроффа: безопасность — превыше всего! Даже за стенами, окнами и толстенными тяжелыми шторами, без единого свидетеля — Ливия не может быть собой”. — Юноша вздохнул.

— Чего застыл? — осведомился Грофф, не понимая (точнее, не удосуживаясь понять) причину его промедления.

— Ах, да, да, точно… — Взгляд парня еще немного задержался на Ливии (она прекрасна с любой прической). Та ответила улыбкой, от этого он снова позабыл все на свете. Ричард откашлялся, дабы отвлечь внимание, после поспешил сесть, схватившись за резную спинку стула, обитого тканью с затейливыми узорами в виде птиц и цветов. Ливия, сидящая ближе всех к Гроффу, оказалась так далеко от него.

— Ешь быстрее, я же говорил, у нас полно дел, — напомнил Грофф, строго глянув на принцессу, затем на паренька.

— Сегодня вы оба отправитесь с Гроффом, а мы останемся с принцессой Ливией тут, — вставил Магнус. — Но в дальнейшем мне придется заниматься гостиницей, так что стоит определиться со “сменой караула”, ну, вы поняли.

Ливия кивнула и вздохнула. Ричарду подумалось, слова великана навели ее на мысли о тюрьме и надзирателях, но он ничего не сказал и занялся едой, потому что Грофф и Вейа, ожидая его, уже места себе не находили.

Парнишке не пришлось дивиться разнообразию блюд на завтрак, он предположил, что все это принесла работница гостиницы, Мари, которую в дом не пустили из-за Ливии. Надо ее как-нибудь отблагодарить. Магнус ей, разумеется, платит, тем не менее сказать спасибо лишний раз или еще чего сделать — не помешает.

Грофф же раздражался с каждой минутой: время это определялось весьма условно, ведь вчера никто не завел часов. Они показывали почти полдень (а на самом деле глубокую ночь, когда и остановились). Но прежде чем старик понял, что стрелки стоят, сколько на них не кидай хмурые взгляды (это ему подсказала Вейа), а время на самом деле куда более раннее, на Ричарда так и сыпались его ворчливые замечания.

Закончив с хрустящими булками со стружкой масла, пластинкой козьего сыра, яйцом всмятку на трехногой серебряной подставке, как и кашей с фруктами, Ричард отпил травяной чай и тем самым ознаменовал завершение трапезы. Вейа и Грофф одномоментно возликовали, Магнус тоже оживился, явно придумывая занятие для Ливии, а та попыталась отогнать какую-то свою тоску, Ричард так и не понял в данный конкретный момент какую именно и по чему (а вариации многочисленны).

Все вновь поблагодарили Магнуса за гостеприимство, он в свойской манере отмахнулся. Великан сказал, что до сего момента все его трапезы (разной степени роскошности) без приятной компании друзей — не имели никакого смысла.

“Вот, Магнус такого же мнения, прием пищи в хорошей компании — делает все куда приятнее!” — подумал Ричард, когда они стали убирать со стола.

Грофф попытался резко соскочить с места, а потом схватился за свою хромую ногу. Вейа поспешила к нему на помощь, но тот лишь отмахнулся и нахлобучил на голову затаившуюся на одном из стульев треугольную шляпу (доселе Ричард не видал этот головной убор у старика, вероятно, он прикупил его вчера, когда вечером куда-то отлучался, но зато подметил, что в Хорграде многие мужчины носили треуголки).

— Не лучше ли остаться? — уточнила Ливия. — Я могу… — Ее кисти и пальцы собрались в очередную затейливую фигуру.

— Не смей, — Грофф изрек это даже не с яростью, а с некой отрешенной усталостью, только тогда Ричард догадался, что речь, скорее всего, шла о *магии*, точнее, об обладании. Он сразу же задумался: способна ли принцесса исцелять раны при помощи силы… Но почему тогда она не заживила собственные травмы? Или же позаботилась о ранениях, оттого и ослабла — да так, что рухнула без сил в ту ночь, когда они встретились… Еще он припомнил ее странный порез на плече и то, как он светился слабыми отблесками лилового и не затягивался. Интересно, теперь-то он зажил? Что это за отметина? Знак силы? Способ ее получения или контроля редкого дара?

Снова сотня вопросов, ясное дело, без ответов вспорхнула стайкой птиц, но он не стал лезть с расспросами, а только подошел к старику и осведомился:

— Давай зайдем в аптечную лавку… — предложил Ричард, приходя на выручку Ливии, которая отошла в сторону, после того как Грофф отверг ее помощь. — Я подберу лекарство, если ты расскажешь о природе этого недуга.

— Аптечные лавки в Хорграде! — проговорил Магнус и махнул рукой.

— А что с ними не так? — вклинилась Вейа. — Их тут нет, или что?

— Хотите самолично проверить? — Грофф отчего-то развеселился, хотя боль в колене вынудила его плюхнуться на сиденье.

— Неужели… Ты хочешь сказать, медицина, ну, какой мы ее представляем, тут запрещена? — Ученик целителя почесал подбородок, переводя взгляд с Магнуса на Гроффа, а затем

обратно на великана, и тут же добавил: — Но как же тот доктор, джархи, которого мы видели в трущобах? — Он успел позабыть про него, столько всего навалилось.

— Джархийский госпитальер занимается исключительно крайне заразными болезнями или подозрительными хворями, грозящими очередной эпидемией, на этот случай его и держат. Джархи, равно как и эльвины, владеют врожденной стойкостью к мору, на Юге слишком жарко, чтобы зараза прижилась среди редринов и зунаров, а у нударов слишком холодно. Остались только люди! Отмечу, что после прошлой вспышки представители джархи бдят во всех крупных городищах. А в столице их целая коллегия, оно и понятно — население пятьсот тысяч душ только за стенами…

Ричард опешил, решив, что ослышался. Город с полумиллионным населением попросту отказывался укладываться в сознании: Итола настолько огромна или ее жители на головах друг у дружки живут?! И как тогда родители отыщут там дядю Эрика? Нахмуренный лоб Вейи выдавал такое же глубокое недоверие, и только она собиралась уточнить что-то, как Ливия ее опередила:

— Но *они* же не вмешиваются в дела иных народов?

— Предпочитают держаться подальше, не спорю, но их ничуть не обрадовала перспектива *нашего* полного вымирания. — Он в упор смотрел на эльвинку, покуда та не отвела взор.

Благо, секундное напряжение развеялось, ведь сперва юноше подумалось, что принцесса ответит старику на несправедливое обвинение и завяжется перепалка, в которой своенравный Грофф не уступит. Да, эльвины не пришли на помощь гуммам в час крайней беды — но тому есть веская причина.

— Ну а в Хорграде — вера — лучшее лекарство! — Грофф же намеревался закончить наконец разговор про лекарское ремесло и не углубляться в слишком сложные вопросы мироустройства. — Монахи и брадобреи, само собой, сведущи во врачевании, но ограничены в средствах и способах лечения, которые тут диктует религия. И аптечные лавки найдутся, только вот продают там… к слову, по рецепту от врачевателей Кардинала, — всеисцеляющую огненную воду!

— Спирт, не так ли? — Вейа поморщилась.

— Ага. Он самый.

— Как основа для растирания подойдет при больных суставах, — постановил Ричард. — Но все равно туда так и просятся болеутоляющие и живительные травы…

— Я лучше выпью вина, тоже помогает! — воскликнул Грофф. — Это все от перепадов погоды… сперва ливень, теперь зной.

— И от нескончаемой скачки верхом, — подсказала Вейа.

— Ладно, хватит меня лечить! Или думать, как вы это сделаете! Я в порядке. Мне все равно придется ходить по городу. — Грофф поморщился. — Магнус, дружище, не одолжишь мне какую-нибудь трость из твоей коллекции, моя палка, самая обычная и удобная, намедни сломалась.

“Уж не вчера ли вечером? И при каких обстоятельствах?” — задумался Ричард, но уточнять не стал — Грофф и так метал молнии.

— Да, да, конечно! — Великан поспешил в одну из боковых комнат.

— Никакой кости риноцероса, золота, изумрудов и вертранговского дерева! Самую скромную тросточку из всех, очень прошу! — крикнул ему вдогонку Грофф (Магнус, наверное, его не расслышал), затем обратился к Ричарду и Вейе: — Итак, наш план действий на сегодня: сперва шляпная мастерская…

Далее реплики с силой горной реки обрушились на мужчину, который и не успел обрисовать перечень дел.

— Это обязательно?

— Я давеча заказал для вас.

— А кто за это платит?

— Ой, Ричард!

— Мне достанется такая же? — Вейа указала на треуголку Гроффа.

— Нет, для девочек — чепец.

— Чепец?! Нет! Хочу шляпу!

— Ты же девочка, зачем тебе лишнее внимание?

— И тут то же самое! Ты как моя мама! А вот так можно ходить? — Она растрепала волосы.

— Грофф, а ее головной убор с цветочками? То, что нужно, Вейа, зря ты артачишься. Идеально!

— Заткнись, Ричард! Самому придется его носить, помяни мои слова!

— Довольно! Иначе останетесь дома и вас ждет только чистка конюшни! — Оба моментально замолчали. Магнус и Ливия, не участвующие в этой нелепой перебранке, вздохнули с облегчением.

— Итак, — Грофф строго глянул на баламутов, — далее по плану — портной, есть тут мастерская готовых платьев, это не для знати и вельмож, пекущихся о фасоне и собственной репутации, а заведение куда проще, для среднего класса, но при наших финансах и отсутствии времени — самое то. — Старик похлопал себя по груди, где у него лежала карта-брошюра, там он и выискал нужные лавки. — Остается хранилище в банке и…

— Цветочная лавка, — дополнил Ричард.

— Это еще зачем? — Грофф больше удивился, нежели осерчал, что его опять прервали.

— Хочешь подарить Ливии букет? — Вейа прямо расцвела, позабыв про незавидную участь по воле Гроффа ходить по улицам в чепце с цветочками.

— Это хорошая идея! — поддержала Ливия. Они с Ричардом обменялись улыбками. Парень даже обрадовался, что она догадалась (а ведь догадалась, ведь так?) о его истинных намерениях. — Уж они тут имеются? Не запрещено же продавать в Хорграде цветы?

— Вроде… — Грофф снова принялся изучать бумагу с ремесленными и торговыми объявлениями. — Да, да, цветочные лавки обозначены, одна нам вполне по пути…

— Ричард сможет приготовить из цветов снадобье для тебя, Грофф. — Ливия просияла, а вот Ричард покраснел.

— Что ж… — Мужчина впервые за утро улыбнулся.

— Я же говорил, что хочу помочь.

— Хорошо, Ричард. — Повисла короткая пауза, Грофф зачем-то (по привычке, не иначе) опять поглядел на остановившиеся часы. — А вот и Магнус! Дружище, ну ты даешь… Просил же обойтись без излишеств! Что это за безобразие во плоти?

Магнус вернулся, крутя в ручищах трость с позолоченным набалдашником в виде какой-то причудливой твари — ни то ни сё, — то ли свинья, то ли рыба.

— Это самая простая из всех, что держу в доме! — Он пожал плечами и всучил палочку другу. — Правду говорю!

— Это свинья или рыба? — Но Грофф ковылял к выходу, используя данный несуразный предмет.

— Морская свинья, — сказала Ливия. — Они живут в морях вокруг Гуар Данна.

— Точно! Да, ты права. Только вот я ненавижу корабли, плавание, море и все, что в нем копошится!

Вейа хвостом следовала за стариком, расспрашивая его о плаваниях, пиратах, морской живности и истоке его ненависти ко всему этому, раз уж такая тема подвернулась. Брату же старик в шляпе и с тросточкой наперевес напомнил матерого морского волка из пиратских рассказов про Чантру. Любопытно, существуют ли пираты, которые боятся моря? Другим ухом

Ричард прислушался к разговору принцессы и хозяина: Магнус обещался устроить Ливии знакомство с домом, обещаясь, что скука им не грозит.

— До скорого! — шепнул парень Ливии.

— Удачи, Ричард!

Махнув принцессе и хозяину дома, парень поспешил за кузиной, унося с собой приподнятое настроение, неподвластное любым последующим упрекам и назиданиям шедшего впереди Гроффа — пусть и хромоногого, но невероятно упрямого.

Глава 4. Встреча

Когда Лескро спустился вниз, прижимая к груди кожаный чехол с бумагами и писчими принадлежностями, Занзара и ее братец приняли завтрак от Червивого Яблочника — перевоплотившиеся незамысловатым образом в новые блюда объедки вчерашнего ужина (никакой расточительности, сплошная бережливость!), правда, полагающееся ко всему этому пиво отличалось куда большей прохладой и свежестью — его парочка потных и тщедушных работников доставила прямо при них. Ушлый Яблочник явно намеревался сбыть им остатки со дна старой бочки, но после весьма короткой беседы с Бронтом уяснил — лучше настроение этому громиле не портить, а заодно и себе, ведь до чего погожий день грядет! Девушка не вмешивалась, со скучающим видом водя пальцами по засаленному краю стола, потом повертела кинжал в руке: хотела даже что-нибудь нацарапать на память… нечто вроде “В и З”, но не стала.

“Глупо все это. Обойдется. Обойдусь. Сейчас надо думать о Корделле”.

Ждать долго не пришлось, только Бронти плюхнулся напротив нее, так почти сразу же и трактирщик подплыл к ним с двумя деревянными подносами. У Занзары не имелось ни малейшего желания вступать в разговоры с хозяином (пусть и в тривиальные, как оплата, выбор блюд, погода, удобство (ха-ха, а то как же!) комнат и прочая чепуха), она швырнула ему на стол чуть больше аргов, чем требовалось, и указала кивком на стойку, мол, шуруй отсель. Мужик елейно улыбнулся, скрыв за сей гримасой скользкое “Надеюсь, я вас тут больше никогда не увижу!” (наемница читала таких людишек и их скудные мыслишки будто буклет за один медяк) и ретировался.

Девушка хмуро проводила взором хозяина, после все же ткнула сталью в слой жира на столешнице и накарябала не инициалы или сердца, а знак Колеса — круг с зазубринами на внешней его части.

“Никогда не знаешь, как именно сложится судьба, дорогой Червивый Яблочник, но движение ее — круг”. — Она смахнула пальцами мелкую стружку.

Они с Бронти переглянулись и принялись за еду. Таращиться на нее в столь ранний час некому, посему особо девушка не отворачивалась, когда пила и ела, опустив маску до подбородка. Бронт уже привык к ее облику, да и его единственное око более занимала пища.

Виктóр все еще торчал в спаленке, возясь с будущим портретом Корделла, а Бронти то и дело поглядывал на его порцию, но стянуть что-либо оттуда не решался, поймав почти волькаарский взгляд сестры. Громила вздохнул, зевнул, почесал затылок и принялся обгладывать кости.

О том, кто и как провел прошедшую ночь в Морабатуре, ни один из них не говорил, о каких-то дальнейших планах — тоже. Ведь всё уже решили, пока спускались: сдать ростовщикам цацку Лескро, получить денег, двинуть в гильдию наемников, выдать портрет преступника, оплатить взнос, обозначить награду. Далее дело за малым, Зубастик отправится доносить на Бастера Кардиналу, а к вечеру герцога “повесят” на каждый столб, а может, его и вовсе поймают, тогда повисит между небом и землей в прямом смысле! Не самый хитроумный план, но чем проще, тем легче исполнить задуманное. В общем, пока ждали Виктóра, так и сидели молча, пили да жевали.

— А вот и Зубастик! — известил Бронти, который давно слопал всю свою еду, поэтому теперь просто бесцельно таращился по сторонам, нет-нет да и кидая жадный взгляд на завтрак, предназначенный Лескро.

— Отлично. — Занзара, так и не дощипав мясо худосочного цыпленка, придвинула блюдо к брату. Тот просиял. Девушка осушила кружку и натянула маску по самые глаза, подведенные сурьмой (покинув комнату, она успела умыться и привести ту часть лица, которую считала не такой уж уродливой, в порядок).

— Ну как? Готово? — поинтересовалась она у Виктóра. Ее брат остался безучастным и к самому появлению королевского прихлебателя, и к его творческим способностям портретиста. Бронти активно работал челюстями, которыми он перемалывал жареную птицу, сплевывая периодически кости в примостившийся на скамье подле него пустой глиняный кувшин.

— Вполне! — Лескро оглядел полупустую залу таверны — не считая окопавшихся тут навеки забулдыг, наклюкавшихся теплого осадочного и посему уцененного пива спозаранок — и продемонстрировал плоды творческих потуг.

— Пьфу! Тьфу! Хпф!

— Как это понимать? — удивленно спросил Виктóр.

— Это он кости сплевывает.

— А-а-а… Ну и как вам?

— Великолепно. — На Занзару с отвращением взирал герцог Корделл, тени и умелые штрихи делали его заостренное лицо едва ли не живым, до крайности настоящим. Да, именно таким ей герцог и запомнился в их последнюю и (к счастью) непродолжительную встречу в Эвелире. Девушке подумалось, что Зубастику тоже довольно часто приходилось сталкиваться с подобным пренебрежительным и высокомерным выражением этого подонка, которое она сама едва ли сумела изобразить: Корделл в ее мыслях существовал лишь поверхностно — кругами на воде куда более глубокого соленого озера обид и лишений.

— По-моему, чего-то не хватает… — Бронти сказал это тише и несколько развернулся, потому что Яблочник тоже вполуха и краем глаза заинтересовался тем, что же происходит за столом у подозрительной троицы. — Ну, всякой хрени… Искры из глаз, темные силуэты… О! Черепа и кости! Тьфу! — Он снова сплюнул и поковырял ногтем мизинца между зубов. — Чтобы каждая собака в Хорграде поняла — перед ними ужасный и опасный *колдун*!

Лескро нервно облизал губы.

— А ты прав, — признала Занзара. — Нагоним немного жути, праздник Охоты как-никак. Но только без излишеств, чтобы совсем не отбить прыть наймитов, иначе обделаются и не станут в это ввязываться.

— Обещаю вам сущий кошмар, но в умеренных количествах! — Теперь Виктóр облизал графитовый наконечник в деревянной палочке и принялся под чутким руководством Бронта создавать для герцога соответствующий зловещий антураж.

— Другое дело, — похвалил великан, запанибрата хлопнув амбассадора по плечу.

— А теперь поешь, заслужил, — бросила девушка, на ее колени легла папка с портретом — посланник передал ей бумаги, дабы не заляпать свою работу каплями жира во время торопливого перекуса.

“Никакая это не привилегия, герцог Корделл Бастер, теперь ты *ее* раб, даже хуже”. — Убийце вспомнились слова матери, не желавшей для нее такой участи, поэтому она и не наделила Занзару силой. Надо полагать, Фидес усвоила печальный урок с родной дочерью… Впрочем, Наставник придерживался мнения, что обладание — величайший подарок, и цена за него не имеет значения. Некий срок Занзара разделяла его взгляды: наличие силы на ее поприще еще как могло пригодиться. С другой стороны, она всю жизнь обходилась без этого дара. И если уж царица делится силой с такой поганью, как верный пес Аргольда, или с амбициозной и капризной принцессой Гуар Данна, между прочим, из числа заклятых врагов редринов, на худой конец с каждым, кто притащит эльвина для жертвоприношения, и лелеет надежду, что узилище Варлага наконец перенасытится и треснет — грош цена чести войти в ряды подобных избранников!

Викто́ру удивительно точно удалось передать обладание тьмы — эскуру, как именовал ее Наставник, — расползающийся черный туман, растворяющиеся и разлагающиеся в нем силуэты, готовые вот-вот обратиться прахом, бестелесными тенями, флером самой смерти… Перед мысленным взором предстала Пурама, изловившая больше всего эльвинов для матери. Девушку передернуло, и она не сразу вернулась в насущное, где всепоглощающая тьма — только рисунок.

Где-то на улице трещали окаймленные железом колеса. Возможно, преследующий ее треск — плод разыгравшегося воображения или явление сугубо органное — шум в ушах, головная боль? Или же это знак истинного Колеса? Она уставилась на вырезанную недавно фигуру на столе.

“Потому что не желаю тебе подобной участи”.

Голос Фидес прозвучал так отчетливо…

“Я искала Эръяр. Долго и всюду… — обратилась она в никуда, этих слов она так и не сказала матери, но та знала… наверняка знала, от царицы ничего не укроется. — Думала, что это поможет. Но безуспешно. Ее больше нет, и никакая сила не вернет того, кто перешел на Ту Сторону”.

Но если Ливия — та, кто сломает печати красного камня, та, кто высвободит силу, — именно Занзара притащит принцессу в Эвелир, но не Корделл!

Она захлопнула чехол, сокрыв физиономию герцога кожаным пластом с потертым позолоченным тиснением лица иного — короля Аргольда.

— Нам пора.

***

Прежде чем покинуть дом Магнуса, Ричард все-таки заскочил в свою комнату. Вейа и Грофф завздыхали и запричитали, но парень решил не обращать внимания на их негодование — весьма скромное, к слову, по любым меркам. Грофф только крикнул, чтобы не смел брать оружия — это он про кинжал, — иначе тот отнимут на хранение в каждой лавке или заведении, куда они заглянут. А в некоторых местах, вроде банковского хранилища, придется оформлять бумагу — а это все потеря времени и прочая, прочая… Его меч, как он сообщил, тоже останется в доме.

Тут же последовала тирада (и с ней Ричард полностью согласился) про то, что противопоставить возможному нападению им совсем нечего, разве что следующее — Грофф картинно постучал тростью по плиткам прихожей. Да, точно, набалдашник с башкой морской хрюшки оружие не хуже булавы! Далее мужчина рассудил, что в случае острой нужды они обойдутся подручными средствами — хотя он надеялся обойтись без крайностей, о чем и предупредил

загодя. Ну а Ричарду с Вейей стоит полагаться на быстрые юношеские ноги, без малейшей попытки вступить в схватку.

— Хорошо! — крикнул парень, свесившись с перил. — Я не за кинжалом!

— Давай скорее, Ричард!

— Уже бегу!

Он на самом деле намеревался прихватить кошель. Грофф, конечно, не обмолвился, что за все их предстоящие расходы заплатит Магнус, но это и так понятно. Самому же Ричарду от этого делалось столь неудобно, но собственный небольшой вклад в расходы мог немного утихомирить его беспокойство. Такой уж Ричард.

А вот Вейю ничуть не тяготили чужие расходы. Для нее предстоящая прогулка омрачалась лишь перспективой носить чепец с цветочками, как только они его заберут из шляпной лавки. Причем, Грофф словно нарочно не опроверг сомнения кузины: заказал ли он головной убор с украшениями или без.

Юноша быстро сбежал по лестнице вниз и выскочил из особняка, обнаружив нетерпеливых Гроффа и Вейю. Мужчина извлек ключ на веревочке и запер им дверь, подергал ручку, осмотрелся по сторонам, изучив кусты и кадки. После он перебросил из одной ладони в другую трость из коллекции Магнуса и изрек:

— Не глазеть по сторонам и не болтать все подряд, что на ум пришло. Это вам не Бертлебен.

— Поняли, — отозвались ребята.

— И сохранять внимательность. Увидите кого-то подозрительного, сразу сообщайте мне. Если вдруг распознаете в прохожем редрина — упаси нас рок от такой встречи! — немедленно бегите к воде: канал огибает весь город и главный собор в центре. Все крупные улицы, даже петляющие, неизбежно ведут к набережной, если двигаться от крепостных стен к сердцевине Хорграда, — проинструктировал Грофф. — Далее без лишней мысли прыгайте в воду, там глубина вам до подбородка.

— Так себе план, — буркнула Вейа кузену, но спорить со стариком не стала, ей уже не терпелось выдвинуться.

— Все ясно?

— Да! — Что еще сказать-то?

— Мы пешком? — только и спросил Ричард, оглядываясь.

— Именно, тут недалече.

— Хорошо.

— Тогда вперед. — Грофф тростью указал на калитку и, хрустя гравием, захромал в ту сторону. Кузен и кузина последовали за ним.

Город предстал совсем иным: ожил, заиграл красками, будто вчера ты силился различить пейзаж на картине в полутьме, а после, бросив это занятие и напрочь забыв о блеклых цветах и невыразительных мазках, случайно увидал в другой раз то же самое полотно, но при свете ясного утра. Примерно так Ричард описал для себя произошедшие с Хорградом перемены.

Жаркий воздух весеннего дня все еще тяжело вдыхался из-за чрезмерной влажности, казался тяжелым, обволакивающим, он впитал в себя привычные (лошади, готовящаяся пища и благоухание цветочных клумб) и незнакомые запахи (угольный чад и какие-то химикалии, например). Вода, все еще таящаяся в дорожных выбоинах и сточных канавах, испарялась довольно быстро, обещая к обеду полностью избавить улицы от болотного душка прошедших дождливых дней. На небе — ни облачка, а на белый шар солнца больно смотреть.

Грофф вел их вглубь района, указывая на различные знаковые ориентиры, которые помогут разобраться в хитросплетении улиц с бесконечным множеством лавок, маленьких ночлежек, питейных, лотков и киосков, пришедших на смену широкой аллее особняков.

Зловещие силуэты храмов в самом сердце города перестали омрачать вид, в яркости утра они выглядели дымчатыми, далекими, нереальными, будто нарисованными. Торговый квартал Флорин, где располагались дом Магнуса и его гостиница, напомнил Ричарду Бертлебен в любой будний денек, только народу и лавок (а посему и суеты) тут гораздо больше, чем дома.

По вымощенным камнем улицам проносились всадники, плелись груженые доверху торговые повозки и легкие (в сравнении с первыми) открытые кареты, на тротуарах скакали мальчишки-лоточники и продавцы новостных брошюр, они ловко маневрировали меж парочек прохожих — дам во всевозможных разноцветных платьях, шалях, шляпах и капотах и таких однообразных мужчин — все как один в темных плащах и треуголках (Грофф идеально вписывался в их косяк).

В сущности, никто на них особого внимания не обращал, за исключением весьма возрастной дамы (пожалуй, в два раза старше госпожи Мораг из Бертлебена), восседавшей за столиком уличной кафетерии. Она ястребиным взором — усиленным дополнительно вычурным пенсне — впилась в Вейю и пробормотала пажам, что недовольна видом юной девушки с непокрытой головой. Упрек звучал забавно, ведь голову старухи венчала столь огромная шляпа, что двум слугам пришлось поддерживать поля ее головного убора с воистину, никак иначе не сказать, цветочной рассадой вокруг тульи.

— Эй, Вейа, как тебе такая рассада? — тихонько сказал Ричард сестре.

Та прыснула, но не успела съязвить.

— Вот мы и на месте! — сообщил Грофф, остановившись у шляпной мастерской неподалеку от кафе. У дамы, которая продолжала за ними следить, отлегло от сердца. Старуха хлопнула в ладоши, покопалась в сумочке, капнула в чаек что-то из маленькой бутылочки и, смачно причмокнув, отпила, после пажам (и Ричарду заодно, Вейа и Грофф сделали вид, что их это не касается) пришлось выслушать про благоразумие отца, который сейчас облагородит непутевую дочь. А ей, между прочим, давно пора носить шляпы и выйти замуж — уж супруг-то не допустит такого разврата!

Дальше возгласы пожилой госпожи остались далеко позади, троица скрылась в мастерской. Хозяин быстро приветствовал визитеров, так же скоро вручил им готовые головные уборы, которые Грофф заказал и оплатил еще вчера (а мастер, вестимо, корпел над ними ночью).

Фетровая треуголка Ричарду очень понравилась. Он глянул на себя в небольшое зеркало на стойке: перед ним стоял совсем другой юноша. Вейа шлепнула его по краю головного убора, отчего тот накренился набок, превратив кузена в лукавого пижона или хитрого бандита.

— А тебе идет.

— Тебе тоже. Нет, не смотри на меня так, я не издеваюсь, сестрица.

— Ладно… Все не так уж и плохо. — Цветочки на ее чепце вовсе не напоминали пышный вазон; мастер сотворил легкий венок из голубых и синих (любимые цвета Вейи) Мышиных Ушек, он расположился по краю светло-серого головного убора с кружевом лент, которые сейчас так изящно лежали на ее тонких плечах. Кузина покрутилась на месте, приняла разные позы и подмигнула отражению. — Ну все, теперь могу предстать перед той дряхлой каргой! — Она сделала шуточный реверанс.

— Хм! Ты все же ее слышала? — поинтересовался Ричард, отходя к Гроффу.

— И что с того? — Вейа пожала плечами. — Теперь-то все довольны. Не так ли? — Она глянула на них исподлобья, после размашисто и весьма по-мальчишечьи промаршировала к выходу.

— Прекрасно. Проще, чем я думал. — Грофф, цокая металлическим наконечником на трости, двинулся за девочкой. — Теперь одежка. А затем все наши прочие дела. Как же их много!

Они попрощались со шляпником и вышли наружу. Дамы и пажей уже след простыл, чтобы бабка порадовалась за преображение Вейи, на столике сиротливо покоился призрак ее завтрака. Девочка поправила чепец и зашагала за Гроффом вверх по улице.

— Я кое-что придумала, — сообщила Вейа Ричарду. — Я могу отдать эту штуку, — Она указала на чепец, — ну, *ты знаешь кому*, чтобы скрыть ее уши! Тогда она сможет выйти в сад. Мне-то шляпа на голове ни к чему близ дома.

— А это идея… — пробормотал Ричард.

— О чем вы там болтаете? — Грофф строго глянул на них. — Что-то стряслось?

— Да так… О том, что… Ничего важного.

— Не отставать!

— Так точно!

— Тем более *сам знаешь кому* нравятся такие же цвета, что и мне. Песочный, белый, синий и голубой! — шепнула Ричарду кузина.

— Угу. — Ричард призадумался, он ведь понятия не имел, что нравится Ливии. И не удосужился поинтересоваться, упиваясь собственными страданиями. Вейа — другое дело, ее интересовали мелочи, из которых можно составить истинный образ принцессы эльвинов — состоящий из цветов, вкусов и запахов, пристрастий и увлечений. Он немного взгрустнул, ругая себя за недогадливость.

Внезапно он в кого-то врезался. Парень не упал и не сшиб с ног прохожего — сдвинуть такую махину ему заведомо не под силу, даже если намеренно разбежаться.

— П-простите! — пробормотал он огромному мужику, ничуть не уступающему по габаритам Магнусу. Толком он не сумел разглядеть его, только заметил повязку на глазу, синюшные кляксы рисунков на коже и крупные бусы на шее.

— Смотри, куда прешь, малец, — пробасил верзила, щелкнул толстущими перстами Ричарда по сползшей на глаза шляпе — теперь та съехала на затылок, открывая лицо — и двинулся себе дальше.

Из-за широкой спины воротилы вынырнула девушка: капюшон, маска, стальной блеск глаз. Она скользила за великаном подобно змее. Сперва Ричард решил, что она ему помстилась. Все-таки нет, спутница гиганта материализовалась, но только тогда, когда легонько задела его плечом. Тут он понял: перед ним создание из плоти и крови. Далее юноша различил, что она во время их столкновения спрятала кисти под плащ, нащупывая навершия двух клинков. По шее скользнула капля пота и скрылась за воротом, а меж лопаток пробежал еще долго не утихающий холодок.

“Капюшон, маска, два меча…” — Перечисление скудных примет явилось ему вспышкой. Не так ли Ливия давеча описала зачинщицу, напавшую на нее в нударской крепости?

Придя в себя, он похлопал ладонью по поясу и выругался:

— Вот же! Зараза! — Кошелек исчез. — Гадина!

Ричард огляделся: Грофф и Вейа не заметили, что он отстал, оба успели отойти на приличное расстояние. Темная шляпа старика терялась среди десятка таких же, но серо-голубое пятнышко нового убора кузины мелькнуло и скрылось за поворотом улицы. Парочка, с которой он столкнулся только что, маячила в десятке локтей вверх по улице.

— Это очень плохая затея… — пробормотал Ричард, но ринулся вслед за татуированным великаном и обокравшей его девицей в капюшоне.

Глава 5. Мать и сын

— Ну что опять стряслось? — забурчал Грофф, когда Вейа его окликнула в очередной раз. — Мы почти пришли! — Он устало взмахнул свободной рукой, указывая на вывеску “Ателье готового платья Эйзенглоу” — серебристая краска сверкала на деревянных ножницах и лекале, несколько выступающих над надписью.

— Ричард пропал.

— Что? — Они вместе принялись озираться, выискивая парня среди черных шляп, камзолов и плащей прочих мужчин (молодых и не очень), которые в количестве целой маленькой армии внезапно хлынули из каждой двери, и все дружно устремились куда-то вверх по улице, обсуждая свои дела и предстоящий обед. — Как так?!

— Не знаю, только что шел за мной… — Вейа развела руками.

— Зайди в ателье, объяснись с портными, веди себя тихо и жди, покуда мы вернемся. Никуда не уходи! — велел Грофф, шаркая в обратном направлении и довольно грубо расталкивая людской поток, в который с размаху вклинился. — Я найду его. Будь не ладен этот мальчишка!

— И куда же ты собрался с такой-то хромотой?

— Я как-никак знаю город, — отрезал он, даже не удивляясь и не злясь, что девочка не послушалась и увязалась за ним.

— А я быстрее. И вовсе не дурочка, дорогу запомнила: прямо, налево, направо. Так не лучше ли тебе подождать нас? — Вейа схватила старика за рукав.

— Нет. А если с вами что-то случится?

— Он просто зазевался, поди увидел какую-нибудь ерунду, а теперь стоит на месте и ждет нас. Я ж его знаю! Да и что может с нами случиться?

— Например…

— Ваша светлость, маркиз Грофф? — Вейа сперва и не поняла, к кому обратились, хотя “Грофф” она четко расслышала среди уличного шума и недовольного бормотания прохожих, которым они со стариком мешали пройти, разыгрывая непонятную для них драму прямо посреди многолюдной улицы. — Маркиз Гарретт Грофф! Ваша светлость! — Теперь и он уста-

вился на женщину в синем наряде, которая бросив свою компаньонку (в сиреневом), семенила к ним, пересекая дорогу с экипажами. — Гарретт!

— Маркиз, вот как? Что ж, хоть имя у тебя настоящее… Или нет? — Вейа уловила, как отрешенное выражение вытеснило гневную ворчливую гримасу на лице мужчины. — Что еще про тебя мы не знаем, а, Грофф? Вот дела!

— Потом, девочка. — Призрак из прошлого Граффа неминуемо приближался. — Тебе самой придется отыскать братца-разиню.

— Это я поняла. Что ж, удачи тебе, милорд, *маркиз* или как там еще тебя величать!

— Сперва поздоровайся, *она* тебя уже заметила. Это сулит нам проблемы.

— Какая неожиданность! — воскликнула женщина, руки в перчатках изящным взмахом крыльев ласточки опустились на плечи Граффа.

— И я рад тебя видеть, Доминика, — без единой ноты радости выдал мужчина, беспомощно глянув на Вейю.

Девочка быстро изучила госпожу, прежде чем та отлипла от Граффа и всецело направила внимание на нее. Пышные юбки и кружева — все цвета зарождающейся бури в предвечернюю пору, половина лица скрыта шляпой (чуть меньше, чем у старухи за столиком), правда, без обилия цветов — лишь плюмаж из сизых перьев, обрамляющих герб с изображением топора и розы. Возрастом дама казалась чуть моложе, чем ее знакомец (маркиз Грофф, ха-ха!), хотя белую лебединую шею предательски оплели касания подступающей старости в виде обильно припудренных полосок морщин. Из-под полей ее головного убора выглядывали собранные в затейливую прическу волны темных волос, из-за насыщенного цвета наряда чуть подкрашенные красным губы и большие синие глаза делались еще более яркими, подчеркнутыми, точно нарисованные.

— А это что за прелесть у нас? — В тоне дамы отнюдь не звучало сюсюканье, скорее, комплименты и вежливые обороты составляли основу ее благородного естества.

— А… Эм… — растерянно проблеял Грофф. — Моя дочь, Генриетта.

Вейа сразу смекнула, что придется импровизировать, ведь до этого они с Граффом придумали совсем иную легенду, а с Ричардом — вовсе не такие поддельные имена. Они заранее решили представляться дальними племянниками Граффа: Дикки и Далией Лёгран?

“Из чего явствует, эта особа знает всю подноготную нашего хитрого и скрытного соседа Гарретта Граффа и даже больше!” — У нее немного закружило голову, поэтому она ухватилась за фонарный столб, чтобы не выдать волнения и подкашивающихся ног. Мало того, ей следовало как можно скорее отправляться на поиски Ричарда, заодно предупредить его о внезапной встрече Граффа с (по-видимому) весьма давней и хорошей знакомой. Все это сулило неприятности, если Ричард ляпнет что-то не то.

Дама — то ли действительно превосходила Граффа ростом, то ли все дело заключалось в шляпе — наклонилась к Вейе, а та чуть-чуть отпрянула и сделала вежливый реверанс.

— Только вот… Что же это за наряд? — Женщина со всей строгостью учительницы осмотрела старенькое и простое платье Вейи. — Чепец очень милый… — добавила она, заметив, как девочка хмурится. — А вопрос к твоему отцу.

— Мы только с долгой дороги, там не до нарядов… И дабы не тащить кучу сундуков, а еще не привлечь излишнего внимания. Время нынче тревожное…

— Ах! Я поняла! — Знакомая Граффа сменила гнев на милость, одарив их улыбкой. — Ох уж эти ужасные вести со всех концов Мэриела! Разбойники и всяческий сброд без малого живут на трактах и дорогах! Увы, такого железного порядка, как тут, в Хорграде, не хватает нынче в других городах!

— И мы как раз собирались заняться вопросом нарядов… — оправдывался Грофф. Затронутая тема устройства королевства ему явно не понравилась, и он не стал ее поддерживать.

— Я так поразилась, что совсем запамятовала о манерах! — воскликнула дама. — Вдовствующая виконтесса Доминика Эйзенглоу, дитя, — представилась она.

— Генриетта Грофф, очень приятно с вами познакомиться, госпожа, — шелково пропела девочка, изображая тон подружки из Бертлебена, Норы Беретт, когда та разговаривала с кем-то выше ее по положению, с бургомистром, например. Заодно полезно повторить имя, которым ее столь внезапно нарек обманщик Грофф.

— А это моя подруга, леди… — Женщина махнула в сторону, указывая на запыхавшуюся компаньонку, которая наконец прекратила метания на той стороне улицы, а теперь отважилась не бросать спутницу на произвол судьбы и перебежать дорогу, тем не менее дождавшись, когда все кареты и повозки пройдут. Для запоминания эта ярмарка тщеславия выглядела слишком сложной, поэтому Вейа прозвала женщин про себя — Дама в Синем и Дама в Сиреневом.

— Эйзенглоу? — переспросил Грофф. Тут Вейа подумала о вывеске ателье, куда они направлялись. Не то чтобы она запоминала все чудные названия улиц и лавок, но эта необычная фамилия ей отчего-то сразу запомнилась. А Грофф тоже хорош! Безопасность! Осторожность! Он что, не знал, кому принадлежит это заведение?

— Эйзенглоу, — подтвердила виконтесса.

— Так ты вышла за виконта Эйзенглоу…

— Да… Давно тебя не видно, не слышно, мой дорогой друг. Особенно после того, как ты разорвал нашу помолвку, Гарретт.

Дама в Сиреневом ахнула. С этой самой секунды она очень строго буравила взглядом Гроффа, который переминался с больной ноги на здоровую, не находя себе места, будто зверь угодивший в капкан. Спектакль затягивался, ничего особенного не происходило, ожидающие эндшпиля зеваки давно занялись чем-то еще, а новые прохожие уже беспрепятственно огибали их компанию, накрепко занявшую часть тротуара.

— А теперь я — вдова. А ты?

— И я… — грустно ответил Грофф.

“Интересно, правда или нет?” — задумалась Вейа, перебирая все те крупицы воспоминаний, связанные с Гроффом и его жизнью в Бертлебене. Сколько она его знала, тот всегда жил скромно, в одиночестве и о прошлом ни разу не заикнулся, иначе бы пронырливая Нора Беретт… Ах, глупышка Нора и не подозревала, что дышит единым воздухом и ходит по тем же самым дорожкам с представителем дворянства (бургомистр, конечно, очень важный индюк, только вот титула у него нет).

— Ох… — Дамы снова завздыхали. А девочка приготовилась *завыть*.

— Кстати, простите, — вмешалась Вейа, решив взять все в свои руки. Пора заканчивать с любовными переживаниями прошлого и пустыми беседами! — Мой брат потерялся, а мы с отцом собирались отправиться его искать!

— Да, мой сын Генрих… Сущий растяпа… — поддакнул Грофф.

— Ничуть не удивлена, — вставила его бывшая зазноба. — Но вижу, ты вовсе не такой прыткий, как раньше… — Носком туфли, будто случайно, она задела трость нашего тайного маркиза.

“Эх, Грофф, все-таки ты еще не прощен!” — хихикнула Вейа.

— Не без этого, — согласился Грофф, морщась. Тут девочка поняла, что демарши по крутым и петляющим улицам, а затем (уже довольно долгое!) стояние на месте изрядно измотало старика и его больную ногу.

— Что ж… Вверяю в ваши заботливые руки моего отца! — сообщила она, собираясь ретироваться. — Ему нужно где-нибудь посидеть.

— Девочка одна в большом городе? Без сопровождения? Недопустимо! — запричитала Дама в Сиреневом, а Дама в Синем подхватила эту песнь.

— А вот и Никола! — Виконтесса кому-то махала. Теперь заметить их не составляло труда, улица несколько опустела. К ним брел высокий и худой парень, в чертах которого отчетливо проглядывал облик Доминики Эйзенглоу. — Это мой сын. Он прекрасно знает Хорград и поможет тебе, — обратилась она к Вейе.

— Что ж… Отлично! Благодарю.

— Никола! Давай скорее! — поторапливала его мать.

— Здравствуйте! Всем доброго дня! — Никола на длиннющих ногах мчался к ним, зажав шляпу под мышкой, его кудри забавно подпрыгивали.

— Давайте обойдемся без лишних разговоров! — сразу же выпалила Вейа и схватила парня за руку. — Я тебе все объясню по пути. Мой брат пропал, ты должен мне помочь.

— Х-хорошо… — отозвался парень, оторопев от ее бойкости и залившись краской.

— Ну? Что застыл как деревянный? Руки в ноги! Вперед!

— Вся в тебя… — долетели до Вейи слова виконтессы.

— Встретимся в ателье! — крикнул им вдогонку Грофф, оставшийся наедине с дамами.

Вейа оглянулась и кивнула, увлекая Николу за собой, пока клерки, возвращающиеся с обеда, вновь не заполонили район Флорин.

— Я, к слову, Никола Эйзенглоу. Рад встрече!

— А я Генриетта Грофф. А теперь нам нужно найти моего брата Ри… Генриха!

— Где ты его видела в последний раз? — уточнил Никола. — И как твой брат выглядит?

— Вот тут. — Девочка протащила сына Дамы в Синем до конца улицы. — Возле этого памятника, — Она взмахнула в сторону статуи плотно сбитой дамы с хмурым лицом, какой-то Святой Адены, как гласила надпись, — мы и разминулись, пожалуй… Что до описания, на меня он совсем не похож: Генрих — светловолосый, ростом пониже, чем ты, в коричневых штанах и светлой рубахе.

Она еще раз осмотрела площадь и лучами тянущиеся к ней улочки. Ни следа кузена.

— Есть какие-то предположения, куда он мог направиться? — Никола согнулся пополам, заходясь тяжелым дыханием, — заядлым бегуном его никак не назовешь, а это скверно — как им тогда поскорее отыскать Ричарда?

— Без понятия! Но раз Хорград тебе хорошо знаком, поделись-ка, куда мог отправиться молодой человек, увлеченный медициной и ни разу вообще не видевший город больше тридцати домов, м?

— Так твой брат школяр! — Никола просиял. — Я — тоже!

— Хм, я бы не сказала, что мудрость — одно из его ведущих качеств, но Генриха вполне могла привлечь аптечная или книжная лавка… Как и тысяча других мест...

— Мне кажется, я знаю, где его искать.

— Тогда чего мы ждем? Веди!

Глава 6. Семетерий

Ричард следовал за странной парочкой. Улицу запрудил люд, потоками хлынувший из всех закоулков, повозки образовали доподлинное стадо, ринувшееся от некоего невидимого хищника. Но все это мельтешение вовсе не мешало парню, след он не потерял — широкую спину громилы и его лысую макушку он отчетливо видел в бурлящих волнах шляп. А девушка-тень с такой же легкостью, как срезала его кошель, растворилась в массах, лишь много позже вынырнув из сутолоки слева от побратима, чтобы затем исчезнуть и возникнуть справа.

Еще юноша сожалел, что из-за невнимательности и нерасторопности лишился последних денег. Не то чтобы они ему достались непосильным трудом (их им с Вейей оставила тетя Аврора перед отбытием в Итолу), но пропажа тяжким камнем давила на грудь, потому что не шибко судьба баловала его самого и их с кузиной семью щедрым появлением аргов из воздуха. В таких случаях (он знал) следует кричать вовсю “Держи вора!” (а ведь Грофф говаривал, что в Хорграде с преступниками шуток не водят), но ему показалось важным именно проследить за бандитами, а не спугнуть их. Если уж удастся раздобыть хоть какие-то полезные сведения, пусть так, утраченные монеты — плата за сие. Да и не хотелось теперь возвращаться к Гроффу с пустыми руками. Старик все одно с него словесно шкуру спустит даже за то, что Ричард зазевался и отстал! Так что видел он перед собой одно-единственное решение — идти дальше и обнаружить нечто важное для Ливии.

“Теперь-то буду смотреть в оба… На ошибках учатся!” — Ричард юркнул за телегу с ящиками, ибо девушка в капюшоне оглянулась. Насчет громилы он особо не беспокоился, ведь прытью тот не мог похвалиться (по наблюдениям), к тому же у него всего один глаз.

Пока парень продолжал преследование, а ничего не подозревающие (Ричард на это надеялся) цели шествовали к пункту некоего назначения, обступающие их дома изменились: каждое последующее здание выглядело чуть более обветшалым, чем предыдущее, будто Хорград утягивал Ричарда в мрачное прошлое. Он быстро обернулся: похоже, торговый оплот Флорин остался далеко позади.

Здания, по мере углубления во чрево Хорграда, делались все менее примечательными и чистыми: залапанные сотнями грязных рук колонны и замусоленные двери, осыпающаяся

краска и штукатурка, жалкого вида витрины и хлипкие выцветшие вывески, таящиеся среди веревок с бельем. На трущобы, через которые они въехали вчера, эта часть города пока еще не походила, но в скором времени этот порог все они переступят.

Однако здесь по-прежнему кипела жизнь, повозки точно так же сновали туда-сюда, люди занимались каждодневными хлопотами. Ричард ничем не отличался от сотен одетых подобно ему работяг, которые грузили ящики, лазали по строительным лесам, облепившим некоторые строения, подметали сор от одного крыльца к другому или отдыхали, ели, пили и курили трубки. Попадись он вновь на глаза преследуемым мужчине и женщине, те едва ли признают в нем шпиона. Но все же подходить ближе или вступать в контакты с ними парень твердо не собирался. Постояв немного подле группки пьянчуг, рубящихся в карты на бочке вместо стола, — в этот момент и бандиты зачем-то приметно снизили обороты чуть выше по улице — он поспешил далее, когда те вновь ускорились.

Где-то над головой ворковали голуби, а на задворках верещали петухи, лаяли собаки, блеял мелкий скот, везде что-то стучало и шкворчало, а от черного дыма, валящего из каждой второй трубы, у него саднило в носу и горле. Он не удержался и чихнул пару раз, но “громила” и “капюшон” этого не услыхали.

Шествие не заканчивалось, редкие прыжки парня в укрытия и ожидания подходящего момента, чтобы вылезти оттуда, — не в счет. Ричард почувствовал себя заточенным в ярмарочную безделицу, когда у игрушки крутят ручку, а силуэт героя бодро шагает по кругу среди одних и тех же декораций, вращающихся вместе с ним.

Удивило парня и то, что воришки никуда не сворачивали, а так и шли напрямик. Вероятно, у них намечено дельце в другом квартале, а этот они попросту пересекают.

“Не тут… Тогда где, в другом районе? Неужели мне так и красться за ними до самых трущоб? — Он отбросил мысль, что ему придется возвращаться назад этим же путем. А ведь прошло много времени. — “Эх, Вейа и Грофф, разумеется, хватились меня. Как же влетит от старика! Не оставить ли эту бесполезную затею?!”

Только он об этом подумал, как неповоротливый мужчина и его юркая подружка (неужели!) свернули в проулок под аркой. Ричард поспешил туда же.

Указатель над его головой гласил: *“Семетерий”*.

Юноша осторожно выглянул из-за колонны, там раскинулась площадь, на которой совершались какие-то приготовления — возводили деревянные подмостки, еще дальше — красовался сад в объятии кованых оград — сперва сердце обрадовалось хоть какому-то кусочку природы в душном каменном мешке, но почти сразу он разглядел, что это кладбище: среди кустов и дерев с желтоватой дымкой распустившихся почек из земли прорезались зубья могильных камней (такие же, как за стенами Хорграда) и последние обители для усопших — склепы.

Одноглазый и его тень двинули к двухэтажному деревянному коровнику, примостившемуся среди таких же развалюх на кромке лобного места.

Площадь бурлила людьми подобно котлу, и Ричард с головой окунулся туда же.

“Коровник” (парень не сразу разглядел на нем надпись “Гильдия” без каких-либо пояснений) тоже пользовался успехом — туда через широкие распахнутые двери входили и выходили толпы мужчин — потрепанных и бывалых или совсем еще юных, как он сам, если не младше. Объединял их только одинаковый вид — вызывающий сомнения по поводу благопристойного образа жизни. Ну, еще и обилие оружия, цепей, капканов и каких-то прочих снастей, которые они всюду таскали с собой. Кажется, многие из них бродяжничали и скитались (а еще и не мылись, отчего вонь стояла страшная) месяцами.

Некоторые из мужчин околачивались здесь весьма бесцельно, иные о чем-то шептались или же не скрывали вообще ничего, хвалясь разного рода, но весьма сомнительными по мнению Ричарда, поступками, кто-то же все-таки работал — возводил сцену. В основном, конечно, вся эта публика бездействовала: сидела на скамьях, распивая хмельное, валялась под столами

или среди пустых бочек, а в лучшем случае — толкалась подле досок с объявлениями — на них Ричард различил портретированные листовки о розыске, такие он уже видел в городе, и прочие объявления о найме. Но только назвать все это скопище наемниками язык не поворачивался: так, забулдыги, пропойцы, отребье и бездельники. Среди этого сброда он заметил и нескольких монахов, те хоть и не пьянствовали, но ничуть не чурались сего разношерстного общества, внешне мало-мальски отличающегося от тех оборванных несчастных, которых храмовники давеча тянули в клетках в город.

Рассматривая чуть внимательнее всю эту ораву, парень заметил и небольшое количество женщин, включая ту, что вытанцовывала чудной танец прямо на одном из грубо обтесанных столов, а ее перламутрово-коричневую кожу (Ричард никогда доселе не видел подобных ей чужестранцев; иные зеваки, судя по их ошалелому виду, — тоже.) покрывал сотканный из цепочек и монет наряд, скрывающий лишь некоторые части тела — какие уж точно демонстрировать публике не следует.

Он отвел взгляд, не за этим сюда явился, и столкнулся с еще одним зунаром: в сине-красном кожаном жилете на голых плечах, обласканных солнцем иных краев. Чернявый парень изучающе осмотрел Ричарда, лучезарно улыбнулся ему и подмигнул, дополнительно сверкнув золотой серьгой в ухе, после чего растворился в толкучке. И как ему это удалось, с его-то яркой внешностью?

Наверняка южанин помышлял обокрасть или облапошить явившегося сюда простофилю, но с ходу понял, что у сельского вида пари даже кошеля нет и, судя по одежке, взять с него, кроме новенькой шляпы, совсем нечего.

И, тут он прав, чувствовал себя Ричард совершенно чужим и потерянным в сердцевине неистового гульбища — и от любого прохиндея сие не утаить, а вот парочке разбойников, которые его привели сюда, — тут самое место. Они и не мялись ни секунды, а двинули прямиком к главному входу в “Гильдию”. И что поделать? — Ричард — за ними.

Он нырнул в толпу. Все перемешалось: сальные патлы под высокими шляпами и треуголками, увязшие некогда в болотной грязи сапоги, так и не познавшие щетки многие месяцы, раззявленные беззубые рты, исторгающие крепкие ругательства и не менее похабный гогот. Кругом звучал скрип затейливых механизмов, стук молотка по дереву, ворчали псы, шуршало поддельное золото на обнаженном терракотовом теле, звенели монеты вполне настоящие, журчали потоки пива и мочи.

Жалобы, надежды, мольбы, проклятия, звуки веселья и песен заглушил остервенелый гром храмовых колоколов.

Именно под него из здания вывалился человек, которого Ричард тут никак не ожидал увидеть. Он узнал бы его из тысячи, ведь недавно сидел в нескольких локтях от него и наблюдал нелепейшее представление.

— Ну? Чего так долго? — бросил парочке бандитов посланник короля — тот самый, который недавно распинался у Эвана перед толпой бертлебенцев, заверяя тех, что эльфы и прочие создания нацелились захватить Мэриел, а их всех извести. Позже, как сказал Грофф, этот плут выяснил, что Ричард и Вейа укрывают Ливию в лесу, а затем выдал их Корделлу и его редринским прихвостням.

И что он делает здесь?

“Все из-за тебя!” — Ричард сжал кулаки, продолжая следить за развитием дальнейших событий. Подходить ближе — опасно, шпион короля мог его вмиг узнать, поэтому юноша устроился у помоста, отсюда он хорошо видел главный вход и вполне отчетливо слышал их разговор.

— Ничего. — Тень всучила скользкому типу кошель побольше, затем тот, что принадлежал Ричарду.

— Все готово! — Мужчина с деньгами, полученными от бандитов, поспешил в “Гильдию”, те последовали за ним.

Ричард тоже намылился протолкнуться в помещение, но кто-то похлопал его по плечу и всучил глиняную кружку с отломанной ручкой — в ней янтарем блестело пиво.

— Я не…

— Сам Кардинал угощает! — сообщил ему парнишка-разносчик. Поднос в его руке опасно накренился, прочие разномастные чашки заскользили, как матросы по мокрой палубе. — Такое-то событие для казадоров!

— Для кого-кого? Козо-?

— Каких еще “козо”?! Ка-за-до-ров! Охотников то бишь! Ты чего, слабоумный?

— Я не…

— Лучше пей и славь "Пламень веры"! И Кардинала! И *охотников*! Казадоров. Запомнил теперь? Сейчас объявят Охоту. Эх, будь я постарше… — Прыщавый грязнуля вздохнул. — Но и за сведения тоже награда полагается… Ты имей в виду! Услышишь чего — сразу беги в Гильдию. За доносы платят не шибко, но все-таки! Но только не перевирай и не выдумывай всякое, а то получишь плетью за клевету. — Его пространные объяснения утонули в гвалте, а сам он принялся раздавать пиво другим желающим.

Жара царствовала, духота валила с ног, Ричард смахнул со лба бусины пота, отпил холодное пиво — на вкус оно выказало себя вовсе не дрянным. Потом еще глоток, еще один, вот и опустела кружка. Парень поставил посуду на край сцены, найти разносчика в такой сутолоке он не чаял.

Народ хлынул к подмосткам, сейчас явно произойдет нечто, чего все и ждали.

“Охота… Ка-за-до-ры какие-то… У них намечен некий праздник?”

Только он собирался направиться внутрь “коровника”, пока его не зажали со всех сторон, как посланник короля выпорхнул оттуда с охапкой листов. Он гордо поднялся на сцену, подождал пока толпа утихнет и изрек:

— Приветствую вас и хочу пожелать удачной Охоты!

Народ всколыхнулся грязно-бурой волной и возликовал.

“Он что, и тут собрался толкать речи?” — разозлился Ричард, щеки его пылали и от хмеля, само собой, и от ярости.

— Хочу напомнить вам, что Мэриел в опасности! — продолжал оратор. — И только Хорград и его охотники под покровительством Кардинала и "Пламени веры" смогут остановить зло, хлынувшее в наш Мэриел!

“Опять!” — Ричарду хотелось уйти, но он упустил такую возможность, его почти прижали вплотную к сцене. Сейчас ему лишь оставалось снизу вверх взирать на верещавшего, точно поросенок, обманщика, надеясь, что тот его все-таки не заметит. На его плечо легла чья-то рука, и парень в раздражении оглянулся. Новые зеваки пополнили ряды, так что масса прижала к нему вплотную кучерявого зунара. И ведь не разойдешься и не развернешься!

— Пиво — дрянь, как и этот болтун, да? — горячее дыхание южанина обожгло ухо.

— Помалкивай и не мешай, дай и другим послушать! — шикнул Ричард.

— Эльвины готовят нападение на наши края!

Голова пошла кругом. Что он сказал? Эльвины?! Но откуда? Откуда прознал? Раньше-то звал их эльфами! Неужели посланец ведет общую игру с герцогом и посвящен в его тайны?

— Эльвины — мерзкие отродья, потомки мерзопакостных эльфов! В довершение всего, у них имеется злая сила, они зовут ее ОБЛАДАНИЕ!

Ту-дум! Ту-дум!

Сердце Ричарда, казалось, описало петлю в грудной клетке.

— Обладание! Так они именуют свою магию, отвратительную злую волшбу! Одно ее название говорит, что эти твари желают обладать нашими душами! Обладать нашей землей! Нашим Мэриелом!

Пораженный сброд переваривал новые сведения чуть дольше, чем требовалось, но в конце концов слова дали всходы в виде лютого негодования — вовсе не в адрес выступающего, к слову. Объяви кто-нибудь, что вон в той пивной бочке прячется эльвин, яростное племя немедленно предаст огню все в радиусе ллигада.

— А еще эльвины могут заразить нас, людей, этой скверной. Насильно превратить в колдунов и ведьм! Наделить обладанием в обмен на душу и за кровавую жертву! Но изловить *обладающего эльвина* — та еще задача! А вот человека, продавшего сим отвратительным отродьям душу, — нам вполне по силам! И посему я хочу объявить Охоту на колдуна и предателя рода человечьего — герцога Чагрина — Корделла Бастера!

Глашатай принялся раздавать листовки со сцены. Одна из них угодила в руки к Ричарду. Соседствующий с ним зунар тоже изучил портрет, а заодно и побледневшее лицо юноши.

— Похоже, тебе знаком этот колдунишка!

— С чего ты взял? — Ричард с трудом вывернулся, состроив строгое выражение, чтобы отмести любые подозрения.

— Что там написано? — Зунар никак не отставал. — Да-да, читать не умею, а ты, как вижу, вполне себе читун, пусть по видку и не скажешь! Оттого не откажусь от маленькой помощи. Только и всего.

Ричард собирался соврать, что лишь делал вид, изучая строчки, чтобы южанин потерял к нему интерес, но не успел ничего ответить.

— Здесь не указана награда, а написано "...крайне опасный еретик и колдун"! — вознегодовал охотник в окулярах с поднятым к небесам (незаряженным, слава всем силам) арбалетом. — Мы его просто так завалить должны?

— Никакой ошибки нет! — сразу же заявил хитрый глашатай, затеявший непонятную игру. Зачем ему натравливать всех на герцога, который служит его же королю и сам охотится на эльвинов? Ричард вообще не мог ничего взять в толк.

— А бравому казадору зазорно требовать золото за то, чтоб сойтись в битве с достойным противником, — Оратор бесцеремонно ткнул пальцем в сомневающегося мужика, — с пособником зла и ереси, с настоящим колдуном! А коль кто изловит или уничтожит паскудника — так тому достанется вся слава! Вообрази: короли и вельможи станут на коленях просить тебя пойти к ним на службу. В очередь выстроятся! Подерутся еще меж собой! Барды воспоют тебя в песнях, поэты увековечат твое имя, зодчие возведут тебе храм! И Кардинал, Его Серенити, не останется в стороне! И так ли сложно изловить дюжему мужу завалящего ведьмуна без души, а после почивать во блеске вечного признания?!

Толпа рукоплескала. Прыгни шпион короля в людскую гущу, они бы его носили на руках. Желтоватые листовки с портретом Корделла разобрали вмиг, несколько из них повесили на доске, чтобы всяк желающий взглянул и запомнил морду мерзкого выродка — еретика и предателя рода людского.

— Да начнется Охота! — закончил свою речь мужчина, который, кстати, даже не представился (как и в Бертлебене), освобождая сцену для другого выступающего, назвавшегося главой "Гильдии".

Ричард прибрал свою листовку за пазуху: Грофф просто обязан ее увидеть, иначе не поверит ни единому слову! Зунар тоже получил бумагу и поступил с ней подобным образом.

— Думаешь участвовать? — Он похлопал себя по груди.

— Просто собираю такие воззвания к поимке преступников.

— Если что-то знаешь и все-таки захочешь присоединиться, найди меня в морабатурском трактире "Червивое Яблоко".

Интерес толпы к следующим опасным преступникам и явно выдуманным существам заметно ослаб, однако зунар остался у сцены в ожидании прочих заданий — и хорошо, что за ним не увязался! Ричард наконец смог выбраться из хватки столпотворения. Пара бандитов и королевский посланник уже исчезли.

— Еще кружечку? — Разносчик вернулся, маневрируя в образовавшихся прорехах меж людских колонн.

— Да… Не помешает… — Ричард отдал мальчишке пустую кружку, которая так и ждала на досках сцены, а взамен получил полную.

"Все, пора возвращаться!" — подумал он, прикончив на ходу к арке вторую порцию пива и сдав посуду иному подавальщику.

— Генрих! ГЕНРИХ! — Голос Вейи отчего-то звал какого-то *Генриха*. Или ему это послышалось из-за волнения, хмеля и перегрева? Ричард тряхнул головой.

— Вот ты где, Генрих!

— Генрих? Вей… Что происходит? Что ты тут делаешь?! — выпалил он при виде несущейся к нему кузины и сопровождающего ее юноши, которого та отчего-то держала за руку.

"Это еще кто?"

— Вот он, вот мой брат, Генрих! — Вейа жестом указала на Ричарда. — Он явно перегрелся на солнце, — добавила она, вздыхая. — Ты не думай, что он слабоумный, Никола.

— Да, да. Это я. Генрих, — тупо проговорил Ричард, силясь понять, что же происходит. — Стой, меня уже два раза сегодня назвали слабоумным!

— Уж не зря! Меня хоть ты узнал? Это я, твоя сестра, Генриетта.

— Да, да, моя сестра. Генриетта. Конечно.

— Мне кажется, он пьян, — заметил темноволосый высокий парень.

Вейа принюхалась.

— Отец тебя убьет! — известила она. — Ну, чего встал? Пойдем отсюда! Живо!

— Отец… Да, наш отец Гарретт Грофф…

— Ну, все не так плохо, как видишь.

— Думаю, он все же надрался в "Черном Поросенке" — излюбленном пабе студентов, а ты говорила, что ему такое поведение не свойственно! — рассудил знакомец Вейи, но незнакомец для Ричарда.

— А ты, прости меня, кто вообще такой? — выдавил Ричард, пристально изучая молодого человека.

— Никола Эйзенглоу. — Парень протянул ему руку. Тот пожал вспотевшую горячую ладонь. — Я сын давней подруги вашего отца. Мы случайно встретились… прямо после того, как ты потерялся. И вот…

— Ясно. Хорошо. Привет. Я — Ри…

— Ри, мы иногда зовем его Ри. Генрих, Генри, сокращенно — Ри, — поспешила пояснить Вейа. — Знаешь, все эти "Г" в имени и "Г" в фамилии! Ох! Чудная традиция, прихоть нашей семьи!

— Да, да, или Генрих Грофф. — Ричард вошел в подкинутую ему внезапно роль. — Очень приятно, Никола. Рад встрече!

— Так, а теперь нам пора. Мне столько всего нужно тебе рассказать, братец! — Вейа-Генриетта подхватила Генриха-Генри-Ри под руку. Ричард опешил, оттого что Никола устроился по другую сторону — будто бы он надрался в дугу и шагу сам не ступит. Или они так вознамерились предупредить его очередное исчезновение?

— И мне тоже… — Он повернул голову, поймав краем глаза блеск позолоты, взлохмаченные кудри и темно-оливковый лик, но яркий чужестранец истаял подобно миражу.

Глава 7. Очень долгий день

Викто́р выглядел счастливым. Занзара заметила, как выражение триумфа на его лице окрасилось нежным оттенком розовых лепестков, а улыбка сдвинула холмики щек к озерам глаз. Он светился подобно этому ласковому весеннему деньку. Может, такие же преображения происходили с ними обоими? И сомневалась она больше касательно собственных чувств, не обнаружив в себе подобных перемен, а вовсе не по поводу довольного вида Зубастика.

Она считала глупостью радоваться раньше времени: сейчас Корделл где-то притаился, принцесса могла уже покинуть Хорград, а герцог (вероятно) гнаться за ней, а если еще нет — не факт, что полупьяные остолопы с цепями и капканами сумеют доставить “колдуну” хоть щепотку проблем… Особенно если столкнутся с Избранниками Фатума. Стоит упомянуть, тень влияния Фидес простиралась от самого Эвелира во все концы Мэриела, прознай кто поумнее, что все предприятие с поимкой Бастера так или иначе связано с воспитательницей Занзары и Бронти — сразу дадут заднюю.

Тревожил ее до кучи красный камень и узник в толще породы, оба все так же зловеще молчали, лишь источая загадочное сияние… Это видение она не могла отогнать. Напрасно подходила к этой гадости в последний визит домой! Ха, домой…

Подобно мертвецу, Королю-Обладателю, хранил тайны и Наставник. Что не добавляло желания действовать так, как велела Фидес, и беспокоило девушку не менее сильно, нежели прочие ее тревоги и заботы. Чью сторону он выберет? Собственного народа? Или же *сила* и обуревающая его жажда вернуть обладание в сей мир возьмут над ним верх?

Как бы ни стряслось, Королевы эльвинов, должно, приняли некое решение, ведь их дочь отсутствует слишком долго, и Гуар Данн вполне мог собирать армию. Да и головорезы с пиратами Чантры не останутся в стороне, как и шахство Аразих… Но это все дальние края за грядой Дридвинн. А еще есть те, кто куда ближе — по эту сторону гор: госпожа из Альсвега, примкнувшая к царице, тоже не сидит без дела, как и кёниг Нуда, многочисленные вожди Зуна, даже сами джархи. И, само собой, Аргольд…

А ей ведь все еще надлежит доставить треклятое послание матери к королю Мэриела (она надеялась, что свора редринов так и занимает чахлую рощу среди могильников и не успела разворотить какую-нибудь ферму).

И где-то между всех этих персон и их действий — совершающихся прямо сейчас и только грядущих — затерялись они — Занзара и Виктóр. Ждет ли их завтрашний день или сплетенные однажды нити разорвет трение Колеса? Есть ли у нее хоть одна причина остаться с ним?

— Наконец-то! — довольно промурлыкал посланник девушке, когда отбился от наплыва восторженных недавней речью лизоблюдов. Бронти собирался что-то вякнуть, чтобы сбить с Зубастика спесь, но Занзара осадила его болезненным толчком в живот. “Пусть насладится, заслужил”. Лескро этого не заметил.

— Ты просто гений! Все вышло так, как ты и сказала. Жаль, конечно, мой помандер, но…

— Оно того стоило. — Занзара улыбнулась сквозь маску. — Теперь пора в Игнис, храмовники доставят тебя к Кардиналу. — Она указала в сторону монахов, которые занимались организацией подачи кареты по наказу гильдмастера охотников, сильней прочих воспарившего от предстоящей травли настоящего опасного еретика, а не очередной невсамоделешней ведьмы или выдуманного призрака — его (и не только) всполох разжигала и лояльность преступника-герцога к Аргольду и Конгрегату Полуночи. На всякий случай зачинщица напомнила: — Ты ведь понимаешь, что пути назад больше нет? Ты предаешь *своего* герцога и даже короля.

Лескро молча взял ее за руку. Занзара вздрогнула, но не стала вырываться. Бронти их неуклюжие телячьи нежности оставили равнодушным — он решил, пока есть время, поучаствовать в намечающихся кулачных боях.

— Давно не бил морды! — гоготнул он. — Я отойду ненадолго?

— Ступай, — дала дозволение сестра.

— Все получится! — Лескро почти заглянул под надвинутый на лицо девушки капюшон. — Я приложу все усилия, чтобы Кардинал поддержал наше предприятие.

— А потом?

— Об этом пока не думал… — Амбассадор прикусил губу. — Погоним эльвинскую девку прямо к твоей царице, да?

— Да. А после?

— Занзара, я… — Разнаряженный по-царски священник в компании молодого и сирого монаха уж звал его, собираясь трогаться. — Как со всем управимся, встретимся тут же, у гильдии наемников.

— А при неудаче?

— Ну, тогда ты ворвешься в резиденцию Кардинала и вызволишь меня. — Занзара изготовилась сострить, но тот опередил ее и произнес: — Насчет дальнейшего… Гусеница однажды обратится бабочкой. А бабочки могут улететь куда угодно! — Он оставил ее одну и поспешил к карете. На обнаженной коже ее кисти — перчатки наемница сбросила из-за зноя — несколько мгновений сверкал поцелуй Виктóра. После испарился и этот след, и сам Лескро.

Тем временем в каком-то десятке локтей под звуки рукоплесканий и ликования толпы Бронт уложил полуголого жирдяя на лопатки. Брат растер по лицу струящуюся из лопнувшей губы кровь и радостно помахал девушке, завидев ее среди зрителей.

***

Сперва Никола производил впечатление молчаливого (или чванливого) человека — вероятно, он попросту волновался, что и привело к ложным выводам. Юноша совершенно не походил на бертлебенских парнишек (отчего-то с ними Ричард тесной дружбы не водил), и он не знал, чего от него ждать, но когда они начали обсуждать их внезапную прогулку по Семетерию, найдя в этом точку соприкосновения, все как-то образовалось само собой. Никола и Вейа поведали, как случай свел их вместе, а затем о том, где, как и в каких местах искали Ричарда.

— Виноват… — замялся беглец, только вот истинную причину такого поступка он не мог прояснить при постороннем, поэтому сказал лишь частичную правду: — У меня украли кошелек, вот я и…

— И ты намеревался сам изловить грабителя, Генрих? — Никола вскинул бровь. А Вейа весьма строго глянула на кузена.

— Можешь звать меня — Ри. Я бы даже сказал — грабителей.

— Ого!

Теперь Вейа скривила губы, чуть сильнее сжав плечо братца — этим она хотела сказать: “Ну и болван же ты, Ричард!”

— Да, воришек оказалось двое.

— Но ты их потерял на площади? — предположил новый знакомый.

— Верно…

— По этой причине мой братец расстроился и напился, — дополнила Вейа, призывая гримасой завершить разговор, грозящий свернуть не туда. — А что это за собрание там проходило? — Она повернула голову к Николе.

— Объявление Охоты! Не думал, что доведется побывать на нем! — Никола начал рассказывать про обычай в Хорграде, в котором знатные люди личного участия не принимали, но не упускали шанса нанять казадоров для отлова объявленных в розыск преступников, ведьм и прочих злокозненных созданий. Ему же доселе не довелось посещать сие мероприятие, поэтому глаза паренька горели, а речь сбивалась.

Никола весьма путанно и заумно ведал кузену и кузине о причине сходбища на площади Нины Эмбер — ведь именно сегодня самый первый весенний день, когда солнце в небесах замирает в высшей точке, поэтому светлое время суток куда длиннее, чем до этого.

— Собственно, все это знаменует победу весны над зимой, жизни над смертью, света над тьмой, а охотники — мы зовем их казадоры — начинают заниматься своим ремеслом — отлавливать всяческую нечисть и еретиков, угрожающих миру и покою достопочтенных жителей Хорграда и окрестностей!

— А зимой охотники что, в спячку впадают? — фыркнула Вейа. — Или ведьмы в холода не чинят препонов и не творят козней?

Бледнощекий Никола порозовел от ее наглого вопроса и дерзкого тона да принялся оправдывать здешние традиции.

Ричард не стал вслушиваться в рассказ, силясь уразуметь иное — для чего же шпиону теперича предавать герцога? Ведь именно Корделлу прохвост выдал местонахождение Ливии и донес, что они с кузиной ее прятали! Так *что* все-таки пижон в берете задумал теперь? И какова роль во всем этом у наемницы в маске? Она действительно та, кто напал на эльвинку на Севере? Или же нет? Вдруг предположение ошибочно? Принцесса не поделилась подробным описанием зачинщицы... Мало ли таких девушек, по воле рока или других печальных обстоятельств свернувших на кривую тропу? Вдруг она лишь местная воровка и только? Пешка, нанятая глашатаем, в какой-нибудь грязной трущобной корчме, где и ему предложил встретиться подозрительный зунар.

Еще его беспокоило увиденное на “празднике”: ладно там парочка наймитов, но целая их разудалая братия представляет смертельную угрозу для принцессы, в таком случае задерживаться в городище ей никак нельзя. А они очутились тут некстати в самый разгар Охоты. И из-за этого накатывали беспомощность и горечь.

Далее Никола объяснял про "Пламень веры", влияние Кардинала и роль религиозных аспектов хорградского культа — это помогло Ричарду осознать положение вещей: Кардинал Киринос и король Аргольд вели скрытую вражду, по опасениям чреватую неким военным столкновением (само собой, все надеялись, что последнего удастся избежать).

Это несколько истолковывало действия посланника, который мог ныне избрать в покровители Кардинала, а не короля. И все равно скользкий тип, внезапно обретший взгляд на истинную природу событий, причем напрямую связанных с Ливией, по-прежнему оставался неразгаданной головоломкой. Радовало Ричарда единственное: про принцессу балабол со сцены ничего не сообщил, но и тут же это выбивало из колеи — ведь он знал о ней, как и то, что герцог разыскивает эльвинку… Получается, шпион посредством объявления Корделла в розыск собирался помешать тому изловить цель, но факт утаивания существования принцессы эльвинов как таковой, хотя он вовсеуслышание возопил про *обладание*, отнюдь не делал глашатая хоть каким-то союзником.

И парень чувствовал нутром, тут коренится нечто еще. Новая заковырка. Только ему не хватает знаний и способностей, чтобы распутать змеиный клубок интриг. Он старательно пытался разложить крупицы сведений по баночкам, воображая препараторий в лекарской лавке Ильды, чтобы оправдать волнение Гроффа, перед которым вскоре предстанет, и выложить старику более-менее складные доводы.

Ричард не задавал вопросов Николе, чтобы и самому не взболтнуть лишнего, по большей части соглашаясь с новым знакомым, если к нему обращались. Вейа тоже притихла, порой она лишь поглядывала то на кузена, то на рассказчика — сильных тревог из-за неведения на нее не нахлынуло, но она что-то явно подозревала, чувствуя озадаченность и скованность брата — тут как повелось, проницательности ей не занимать!

Истории Николы про Хорград и его культуру, даже при условии, что Ричард слушал их краем уха, увлекали, но не содержали важных сведений, в которых он отчаянно нуждался, а может, парень этого пока не понял. От зноя и хмеля, еще и от жарких объятий спутников думалось ему с трудом, а Вейа и Никола все еще конвоировали его со рвением стражников, поймавших убийцу королей.

— В общем, вышло эдакое приключение, верно? И я рад, что все обошлось. В такие места ходить в одиночку опасно, — такой фразой Никола подвел черту.

— Мы въезжали в ваш город через трущобы… — отозвался Ричард.

— Гляжу, вы — любители острых ощущений! — дивился молодой дворянин.

— Вовсе нет, мы, как и все, не любим влезать в неприятности и их создавать, *не так ли*, Генрих?

— Что? — Ричард, увлеченный раздумьями, пропустил слова Вейи мимо ушей.

От ответов и ее гневных возгласов Ричарда спас Никола. Отчего-то все они остановились, а он взял их обоих за руки.

— Простите, Генрих, то есть Ри, Генриетта, но один вопрос не дает мне покоя… — начал он. Ричард и Вейа переглянулись, все так и стояли посреди улицы и сжимали ладони друг друга.

— Да? — Ричард изучал Николу, у которого вертелось нечто несказанное на языке.

— А почему у детей маркиза такие грубые руки и пальцы?

— Что? — Ричард ожидал какого угодно вопроса, но явно не подобного.

“А что значит “у детей маркиза”? Отчего же их сосед Грофф вдруг сделался не только их отцом, но и маркизом? Это что, правда? Старик на самом деле из знати, еще и столь привилегированной? Это кое-что объясняет, иное — делает еще более запутанным… Но тут стоит все спросить у самого Гроффа”.

— Ничего, извините… Мне очень неловко… Я просто… — Никола покраснел и опустил взор.

— Ну… Наш отец, Его светлость, маркиз Гарретт Грофф… — первой опомнилась Вейа, таким образом она спешила донести до кузена суть всего фарса и их нового прикрытия, отличающегося от оговоренного ранее.

Юноша отдал ей должное — кузина лаконично играла роль достопочтенной Генриетты, присущие ее натуре колкости проскальзывали ненавязчивыми намеками лишь иногда (чаще

всего они адресовались отнюдь не Николе, но Ричард ничуть не злился на кузину). Генрих в его исполнении вовсе не выглядел достойным собеседником в глазах их компаньона. Вейа пару раз обмолвилась, что ее брат изучает медицину, этот момент заинтересовал Николу, увлеченного столь разными науками, но Ричард как-то смазано отделался от расспросов про сие учение и ремесло. Теперь же ему не отмолчаться; да уж, об этом они как-то не подумали — в сравнении с их кистями, огрубевшими от каждодневных трудов, кожа, персты и ногти Николы соперничали по гладкости с шелком и фарфором из дома Магнуса.

— Да, таков наш отец… — буркнул юноша. — Еще и долгое путешествие тому причиной.

Им обоим пришлось выкручиваться, поясняя, что отец не чурается простой жизни (тем более в очень-очень отдаленной и крохотной северной марке), а его дети — тоже способны выполнить любую работу.

— Спасибо, что не обозлились на меня. — Тут Никола поведал про личные (сугубо дворянские и не слишком понятные Ричарду и Вейе) тяготы: фактически титул виконта обходил его стороной, хоть парень и оставался единственным мужчиной в семье — ныне та состояла лишь из него и матушки. И хоть ему исполнилось семнадцать — и, вроде как, закон позволял принять наследство и наследие, — но все не так просто! Дело в том, что после смерти отца Николы почти всем их имуществом распоряжается двоюродный дядя, кузен почившего виконта Эйзенглоу — так гласила последняя воля отца. И по мнению дяди он все еще молод для всех этих дел, не закончил образование, не нашел предназначение… и вообще ничегошеньки не понимает.

Далее последовала тирада о Кардинале, философии, истории, искусстве и прочем. Затем Никола вновь вернулся к рассказу о дяде — про его бездетность, дурной нрав и прочие отрицательные качества, потом перешел к завещанию отца, количеству прислуги в доме, заметно сократившемуся в целях экономии, — ведь дядя, живущий, к слову, не с ними, а в загородном доме, слыл ужасным скрягой, а парню пришлось самому обучиться многим премудростям — как заварить чай или отстирать и накрахмалить воротничок.

— Вот же бедняжка! Как же так? — Вейа добавила капельку яда в реплику, но Никола не обиделся. Безусловно, она прекрасно понимала чувства парня по поводу недавней потери отца, ведь испытывала ровно то же самое — участь Эрика Вебранда пугала безвестностью. И кузина выразила новому товарищу настоящую поддержку: вдумчивый взор, опущенные уголки губ и искренние слова соболезнования.

Разморенный Ричард просто кивнул и что-то промямлил — но это Николой зачлось за поддержку.

— Благодарю вас, — растрогался юный “не виконт”.

— А теперь продолжим путь?

— К-конечно!

Никола и Вейа вновь подхватили Ричарда под руки.

— Вы так и будете меня тащить? Я могу и сам идти, — возмутился парень. — Мне вообще-то не очень удобно…

— Ох, прости! — Никола замялся.

— Не слушай его и не выпускай! — велела Вейа.

Так они и шли всю дорогу. Облик улицы менялся: однотипные облупленные дома вытеснили напоминающие миниатюрные дворцы строения, пышные цветники и богатые лавки часовщиков, текстильщиков и антикваров. А вместе с внешними переменами пришли и иные разговоры — они становились все более легковесными и беззаботными по мере возвращения в благопристойный торговый район Флорин.

— Мне до сих пор не верится, что мы гуляли по Семетерию! — шепнул Ричарду восхищенный и одномоментно напуганный Никола.

— Да-а… Ик! Ой, простите…

— А вот и “Черный поросенок”, про этот паб я вам говаривал! Генрих, мы искали сперва тебя здесь…

— Меня? А, да… Милое местечко…

Вокруг темно-зеленого здания с пятачком палисадника, отделенного от улицы кадками, в которых росли маленькие ели, копошились выпивающие юноши. Иногда кто-то забегал в паб, тут же из распахнутых дверей выбегал иной парень с парой, а то и с четверкой полных кружек (их расхватывали вмиг). Впрочем, некоторые семинаристы (так их назвал Никола) никуда не дергались, рассевшись на длинных скамейках, будто галки на насесте, они хлебали кто во что горазд и оживленно болтали. Все молодые люди походили друг на друга, разнясь только цветом шевелюр и чертами лиц, — они носили одинаковые черные сапоги, штаны и сюртуки с красной эмблемой на груди. Ричард толком не разглядел герб — кажется, свеча, свиток и… плеть, все в обрамлении растительного узора…

Он исподтишка глянул на грудь аристократа, но там красовался иной знак — алая роза с острыми шипами на стебле и серебряный топор. Ричард усмехнулся, представив, как Никола, никогда не коловший дров, размахивает топором и рубит розовые кусты.

— Отличается от прочих, все верно. — Будущий — стоит надеяться на лучшее — преемник виконта проявил внезапную проницательность: он легко уловил связь между вскользь брошенными взорами Ричарда. — Это герб моей семьи.

Тот просто кивнул, обдумывая, как отвлечь Николу, — если речь зайдет про *их собственный* герб, точнее, про герб семейства Гроффов, то ведь ни он, ни Вейа ничегошеньки не знают о нем, а вот их спутник наверняка осведомлен про все символы каждого из благородных семейств Мэриела. Так опростоволоситься и разрушить прикрытие — непозволительно!

— Нашли потеряшку, заблудшую душу? Это он? — Несколько семинаристов помахали им, когда троица приблизилась к пабу.

К облегчению Ричарда разговоры о гербах и родовых символах зачахли сами собой, даже к помощи Вейи прибегать не пришлось.

“Но на всякий случай стоит у старика уточнить этот вопрос”.

Парень решил вести себя впредь с Николой крайне осторожно — не хватало только, чтобы он прознал чего лишнего про них. Новый знакомец может оказаться не менее опасным для Ливии, чем герцог с редринами или королевский посланник и его наемники.

“Скорее бы добраться до Гроффа. Скорее… вернуться *в дом*… а так бы хотелось сказать — “домой”! Вернуться к Магнусу и вновь увидеть Ливию!”

— Как видите! Спасибо за вашу участливость! — ответила Вейа, одарив молодых людей улыбкой. Парнишки чуть не попадали от ее внимания, при всем обилии прогуливающихся по улице куда более нарядных женщин и девушек, готовых завязать беседу или подарить ответный взгляд. Скорее всего, как позже осознал Ричард, такую реакцию и интерес подпитывало присутствие Николы Эйзенглоу, а вовсе не очарование сельской девушки, впервые ступившей на мостовые большого города.

— А вы тут надолго? — внезапно спросил Никола, когда они, избавившись от словесных приставаний молодых пьянчуг, двинулись дальше.

— Не знаю, надеюсь, что… Точнее, скорее всего, нет, — ответила Вейа.

— Понятно. — Никола вздохнул и помрачнел, но кузина отвлекла его, найдя новую тему для разговора — учение и его достижения.

Наконец они добрались до ателье, тогда-то Ричарда наконец отпустили.

— Ну вот мы и пришли! — сообщил Никола. — Отдушина моей матушки. — Он указал на вывеску. — Вдруг станется так, что всем нам придется податься в торгаши… Впрочем, не будем… Прошу вас, юная леди. — Юноша открыл дверь, звякнул колокольчик.

— Благодарю. — Вейа проплыла в лавку.

— После вас, мой друг, Ри. Надеюсь, гнев вашего отца не испепелит вас на месте.

— Эх! От судьбы не уйдешь, господин Никола. — Парни последовали за девочкой.

— Неужели! — Грофф подскочил с места, дамы отложили веера, а портной несколько раз щелкнул ножницами, оторвавшись от болванчика с мужским костюмом — наверняка предназначавшегося Ричарду.

— Простите… — виновато выдавил Ричард, снимая шляпу. — Всем доброго дня!

Присутствующие обменялись вежливыми приветствиями, представлениями и стандартными фразами. И как только эта часть закончилась, Грофф прошаркал к парню, трость клацала по полу весьма угрожающе, и Ричард приготовился получить оплеуху. Вейа и Никола отпрянули, но мужчина только взял его левой рукой за загривок и легонько потряс — так иногда поступал отец.

“Это все игра на публику или нет, он действительно не злится?”

— Больше никогда так не делай, — шепнул ему Грофф. Дам растрогало это воссоединение отца и “блудного” сына. — Я за вас беспо… Ты что, пил пиво?

— Это вышло случайно!

Грофф прикоснулся ладонью к груди парня, под одеждой хрустнула бумага.

— Кое-что произошло. — Ричард извлек сложенную в несколько раз листовку. — Не знаю, хорошо это или скверно. Вот, взгляни, но осторожно…

Мужчина зажал листок в кулаке, закончил с объятиями и отошел в сторону. От взора Николы ничего не укрылось, но остальные особого внимания на это не обратили, радуясь, что все тревоги прошли стороной.

— Итак, теперь-то можем начать! Виконтесса Эйзенглоу желает несколько улучшить ваш первоначальный заказ, юные господа! — затрещал портной. — Ох, от этого нам придется избавиться. Немедленно! — Он с прищуром осмотрел потрепанную одежку ребят, после отложил ножницы, устроил измерительную ленту на короткой шее и повел Ричарда с Вейей в дальние комнаты за занавесями, где их подхватили такие же суетливые швеи.

Ричард оглянулся: Грофф успел изучить розыскную листовку, и сейчас он спрятал бумагу в свою сумку. Его хмурое озадаченное выражение быстро сменилось дружелюбной гримасой — с ним завел разговор Никола.

Портные же развели Ричарда и Вейу, разделив тех ширмами. Как выяснилось, новые одежды уже подготовили: их требовалось лишь кое-где подшить, чтоб сидели по фигуре.

— Я безмерно рада, что с вашим сыном ничего не случилось, — долетел до Ричарда голос одной из дам, матери Николы — судя по тяжеловатому, будто бархатные портьеры, тембру, пока он стоял в одном исподнем, ожидая, пока главный портной подгонит его новые штаны и жилет.

— Да, и я тоже, — отвечал Грофф. — И все благодаря вам, молодой человек, — это адресовалось Николе, — ума не приложу, как бы мы с девочкой сумели его отыскать…

— И мне! — не упустила возможности встрять Вейа.

— Да, да… — проворчал Грофф. — Генриетта, с тобой мы позже потолкуем!

Вейа замерла, потом скривилась и с трудом выдохнула:

— Ой, а чего так туго?! Можно ослабить?

— Но все это несколько затянулось, — ласково продолжала дама.

— Согласен, у нас тоже есть еще дела. Я бы завершил их в одиночку, но оставлять детей — себе дороже, вдруг натворят еще чего…

— Прошу нас простить, милорд, но мы вынуждены откланяться. Николе еще предстоит посетить Кардинала, — сообщила виконтесса не без ноток гордости. — Ты ведь не забыл, дорогой?

— Нет, разумеется нет, матушка. — Видимо, Никола все-таки пренебрег предстоящим событием или не придавал, как виконтесса, ему такого же важного значения. — Я пишу портрет Его Серенити Кардинала Алваро Кириноса, — пояснил он Гроффу.

— Какая прелесть! — не особо восхитился Грофф, похоже столь близкое знакомство Эйзенглоу с самим Кардиналом его ничуть не поразило.

— Что ж… Тогда… — Голос Доминики Эйзенглоу несколько дрогнул. — Я дам вам нашу карточку, непременно посетите нас, когда *выкроите* свободное время. Мы живем в Гинее.

— Так и полагал.

Виконтесса выдала натянутой смешок.

— Виконтесса. Ее дражайшая подруга. Юный виконт.

— Я еще пока не…

— Никола…

— Маркиз. Ваша светлость.

Нескончаемый поток этикета и титулов снова наполнил комнату.

— Ри, Генриетта, надеюсь, мы еще встретимся! До свидания! — Шевелюра Николы появилась из-за штор, а руки Ричарда и Вейи помахали ему из-за ширм.

Снова “Виконтесса, юный господин, высокочтимая леди” — только из уст портного, выбежавшего прощаться с уходящими господами.

— Кстати, милорд, где вы остановились? — уточнила мать Николы.

— Я толком не запомнил, какой-то небольшой пансион тут неподалеку… А есть какие-то предложения?

— Я бы рекомендовала “Гостиницу Лёгран”.

— Хм, буду иметь в виду… Благодарю.

— До свидания, дорогой маркиз. Я настоятельно рекомендую именно эту гостиницу.

— Я вас понял. — Он сглотнул. — Виконтесса.

Звякнул колокольчик, дверь затворилась, звон смолк. Грофф облегченно вздохнул.

— Мы почти заканчиваем, — заверил его мастер, полагая, что причина ахов и вздохов господина вызвана их неторопливой работой.

— Уж постарайтесь, — прохрипел тот.

Портной не сдержал обещания, завершающий процесс отнял много времени. Наконец Ричард и Вейа выпорхнули к Гроффу, как и к друг другу, в готовых нарядах.

— Ты похож на принца, Ри.

— Правда?

Ричард подергал себя за борта сюртука. В зеркалах возник совсем иной парень — в иссиня-черной короткой верхней куртке с обрезанными спереди полами (ее тоже называли сюртуком, как уточнили швеи) и штанами цвета мокрого песка, поверх жилета и выступающего из-под него ворота рубахи изящно лежал шейный платок. Сперва парень опасался, что потеряет в новом облачении легкость движений, но страхи не подтвердились. Узость одежд ничуть не сковывала его, наоборот, разрезы и швы выгодно подчеркивали фигуру (сейчас он казался себе куда более статным и стройным одновременно), но при этом не ограничивали владельца костюма ни в беге, ни во взмахе руками и, хотелось верить, ни в езде верхом или даже сражении.

— Тебе тоже очень идет, — выдал он, глядя на то, как кузина смахнула с плеча темные волосы.

Вейа преобразилась совершенно: длинное расшитое нежными цветами платье небесно-стального цвета с замысловатым плетением фиолетовых лент в качестве дополнительного украшения ей очень шло. Чем-то ее новый наряд напоминал вариацию костюма виконтессы, но в более воздушном исполнении, не хватало лишь украшений — какого-нибудь колье, броши или всего разом.

— Просто великолепно, юная госпожа! — нахваливал свои же труды портной. — Покрутитесь.

Вейа, шурша юбками, продемонстрировала все прелести нового платья.

— Вполне… — кивнул Грофф, намекая на то, чтобы все приготовления скорее кончились, но Ричард с его вердиктом не согласился — если уж столь красивые одежды зовут “недорогим готовым платьем”, сделанным по стандартным выкройкам и из обычных тканей, страшно представить, как, сколько времени и из чего шьют наряды для титулованных особ!

Такое равнодушие задело мастера за живое, поэтому он сказал:

— Вдовствующая виконтесса Эйзенглоу настояла на покрытии расходов за нашу великолепную работу, Ваша светлость.

— Мы признательны. А теперь нам пора, весьма торопимся. Благодарим! — Он направился к дверям.

— Всего доброго, Ваша светлость. — Портной отошел в сторону и поклонился.

— Достойны ли мы теперь таким видом нашего отца, великого сиятельного маркиза? — тихо спросила Вейа у Гроффа, водрузив на голову чепец перед самым выходом.

— Более или менее, не считая вашей обуви. Но к сапожникам мы сегодня не успеваем, — бросил ей Грофф, стремящийся покинуть ателье. — И не ерничай, девочка. Некогда. Поспешим! А ты, — Он положил руку на плечо Ричарда, — ни на шаг от меня не отходи. Понял?

— Понял. А ты ничего не хочешь нам сказать?

Грофф строго глянул на юношу.

— Виконтесса недвусмысленно пригласила тебя в гостиницу Магнуса — к чему этот жест? — тут же встряла Вейа. — Вот же старый негодник!

— Помолчи, девочка!

— Так мы не пойдем к ним в гости…

— Это меньшее, что меня сейчас заботит… Я так устал развлекать их и лгать… Тем более…

— Ты лгал всему Бертлебену много лет! Переживешь! — возмутилась Вейа. — Мне тоже довелось врать Николе всю дорогу, а он весьма неплохой человек, помог найти нашего *Генриха Гроффа — наследника маркиза, ха*! Без него мы бы так и бегали по району с кладбищем!

— Вы шатались по Семетерию?! — разозлился Грофф. — Вас надо вернуть домой и запереть на все замки. Только вот мы потеряли уйму времени, чтобы водить вас за ручку туда-сюда!

Ричард решил пока не рассказывать старику про обокравших его наемников, выступление знакомого Гроффу не понаслышке королевского посланца и Охоту. Он постарался вернуться к обсуждению сына виконтессы.

— Мне Никола тоже понравился, — добавил Ричард, глядя, как Грофф мрачнеет с каждой секундой, а Вейа расцветает.

— Хватит про Эйзенглоу, — отрезал старик.

— А маркиз выше по титулу виконта? — Вейа все никак не успокаивалась. — Я запуталась…

— Не примеряй на себя, — осадил ее кузен.

— Ну тебя! Так и что? Выше? Ответь мне, Ваша светлость?!

— Маркиз по положению идет сверху вниз после герцога, — Грофф приподнял шляпу и потер лоб, — а виконту до него еще целый граф!

— О, так ты почти достойный соперник нашему бледному герцогу! Не хочешь вызвать маленькую и верную армию? — Вейа спрашивала это вполне серьезно, а мужчина только отвел взгляд и помолчал.

— Вейа, в самом деле, прекрати! — Ричард взял сестру за руку.

— Она еще не знает, верно? — наконец изрек Грофф, исподлобья глянув на Вейю.

— Что это я не знаю? Хотя да, от тебя правды никогда не дождешься! Зато я поняла, отчего виконтесса так в тебя вцепилась! Ваша светлость и Ваша светлость!

— И ты ее кандидатуру мне в любовницы и жены не одобряешь, ясное дело? — Грофф хохотнул. Ричард не мог понять — это хорошо или их дела с кузиной плохи: грядет ли гневливая тирада на добрую половину часа в таком случае или старик начнет их игнорировать?

— Ладно, хватит вам! — Ричард примирительно глянул на мужчину, затем на сестру. — Она не знает ничего о том, что я тебе в ателье передал, вот и увлеклась всякими фантазиями, — Вейа в этот момент нахохлилась, — а я не стал ничего пояснять при Николе, сам понимаешь.

— Ну, поясните вы уже, заговорщики! — не выдержала Вейа. — Обещаю больше так шутить про виконтессу!

— Грофф, покажи ей, пожалуйста.

— Возникли весьма странные обстоятельства… — Грофф отвел ребят в небольшой закуток между пекарней и колбасной лавкой. Он достал из сумки листок и всучил его Вейе. Ричард тоже вновь поглядел на изображение герцога Корделла — оно выглядело блеклым, невыразительным, размазанным, подделкой и штамповкой, — но он явственно представил искаженное злобой лицо преследовавшего их мужчины, зарождающийся в его глазах столь пугающий лиловый свет, и страстное желание схватить принцессу Ливию. К тому же художник изобразил вокруг него и темное облако с выступающими тут и там путами… Коль за этим стоит шпион короля, то наверняка знает, что Корделл владеет *магией*… То бишь, обладанием… Ничего не ясно… Жуть сплошная!

— Ого! Герцогу тут точно не завести друзей, раз кто-то хочет его изловить! — воскликнула Вейа, возвращая бумагу Гроффу. — Но это же хорошо?

— Или плохо. Корделл определенно может находиться в Хорграде или близ него прямо сейчас, а некий недоброжелатель прознал про визит и теперь стремится помешать ему… Но это лишь мои догадки, о происхождении листовки нам поведает твой брат. А теперь нам пора в хранилище, тем более пора, раз такое дело.

— Хм, появилась некая третья сторона, которая не благоволит герцогу? — спросила Вейа. — Эйзенглоу могут что-то знать, не находишь? А ты, *Генрих*, чего помалкиваешь?

Ричард призадумался:

“А ведь верно! Виконтесса Эйзенглоу сообщила, что их фамилия весьма близка с Кардиналом (не иначе, как для того, чтобы произвести на Гроффа впечатление), а не по прямому ли велению главы "Пламени веры" объявлена эта самая Охота на герцога, в которой глашатай только и делает то, что умеет — чешет языком? Вероятно, Никола может что-то знать”.

В это время Вейа донимала старика расспросами, не сдержав данных почти только что обещаний, она непременно хотела знать, где и когда он познакомился с виконтессой, а еще почему расторг их помолвку.

“Эвоно как… Она для него не просто знакомая…”

— Наш возраст тогда едва превышал лета твоего брата — Доминика и я, оба тупые и молодые, собирались пожениться, потому что так за нас решили. А я не послушался, пусть она мне и нравилась. Все, оставь меня в покое, девочка!

— Ах, уже Доминика! — Вейа погрозила Гроффу, а он щелкнул пальцами почти у самого ее носа. — Эй!

— Слова Вейи имеют смысл, — внезапно вымолвил Ричард, призывая кузину помолчать. — Думаю, не стоит рвать связи с этими людьми, Грофф. Объясню все дома. Беседа не для улицы…

— Рад, что ты решил вести себя столь осмотрительно, учитывая, что час назад чуть не наломал дров, мальчишка. — Грофф строго глянул на парня.

— Ну что, далеко ли там ваш банк, отец? Кстати, как здорово, что виконтесса оплатила наши наряды! — Вейа встала на носки, затем на пятки.

— Очень благородно с ее стороны, — признал Ричард, новый костюм ему принес удовольствие. Он лишь сожалел о том, что портные выбросили их прежнюю одежду. Юноша ста-

рался убедить себя в том, что это не часть их жизни в Бертлебене, а всего лишь скрепленные нитками куски материи, обычная вещь, чей срок службы завершен. Но это не так — отец, купивший ему прежнюю рубаху, а затем и мать, латавшая дыры на ней, — упорно занимали его думы.

— За мной. — Маркиз Грофф (так ли следует отныне называть его?) отрешенно махнул рукой, зовя ребят. — Нам надо успеть разобраться с банком до ужина… До чего же долго тянется этот день!

— И насколько же он полон всяческих событий… — Ричард вздохнул.

— А ведь это еще не конец! — закончила Вейа.

Глава 8. Капеллан и капуцин

Повозка громыхала по выбоинам Морабатура — у посла аж зубы стучали, но всяко лучше, чем тащиться по такой жаре на лошади. А личная-то кобылка осталась под присмотром Занзары и ее увальня-братца, которые должны еще кой-чего сделать для успеха общей маленькой кампании. И Викто́р искренне надеялся, что не пропадет лошадь, ибо уж спросить чего у этой парочки боязно, а ругать за потерянную животину — тем паче.

Вдобавок он мог пожаловаться на иное: трясло знатно, за окном глянуть не на что, еще и воняет от трущоб и босяков, в салоне не ахти какое сопровождение: сидит и пялится, змеюка такая, хоть на козлы сам вылезай.

Но Лескро подмечал и положительные моменты: защищающее от солнцепека полотно над головой, не нужно орать на всю улицу, дабы разогнать ротозеев, мешающих проехать, а еще какие-никакие привилегии — везут во дворец Кардинала подобающим образом, вином угостили и даже руки подали, когда помогали садиться. Не все гладко, ну и ладно! Скоро такие людишки, как этот святошка напротив, станут ему носки сапог лобзать! И еще просить добавки. Вот увидите. Вот дождетесь!

Сопроводить Лескро взялись двое храмовников.

Один — молодой совсем, простоволос и в облачении скромнейшем — грубая ряса с острым капюшоном, подвязка, будто веревка висельника на поясе, и деревянные башмаки на босых ногах, из всего ценного — только жизнь его да знак Пламени на кожаном шнурке. Смотреть особо не на что: молод-зелен, здоров-красив, послушен-наивен — вот и все.

Второй же носил одежды гораздо затейливей, а по годам годился в отцы Лескро, если уж не в деды. Облик его излучал благородство, даже некоторую строгость из-за орлиного носа, холодных глаз и густых бровей. В целом опрятный и хорош собой, но Викто́ру кололо глаза, что попутчик одет намного богаче, чем он сам и юный монах вместе взятые да на три помноженное — в кружевах, перстнях, унизывающих пальцы, кожаных башмаках на пряжке и еще при красивой шляпе поверх расшитого капюшона. Вот он и привлек внимание королевского посланника еще издали (а поглядеть действительно есть на что), одновременно зародив в нем

моментальную неприязнь. А когда Лескро увидал его помандер, раскрывающийся дольками, изнутри его и вовсе разъело от злости на чужое благополучие, точно кислоту в глотку залили.

Этот тип принадлежал не к простым капуцинам, или капюшонщикам, под стать своему спутнику — такие тщедушные, выхолощенные донельзя рядовые клирики встречались в Семетерии да и во всем Хорграде на каждом углу. Балтассаре занимал чин капеллана — светского приора, выходца из местной знати. И рожден он, разумеется, в согласованном и запланированном браке, что для бастарда сразу сделалось предметом подсознательной зависти.

Такое соседство и знакомство в дни менее мрачные непременно польстило бы замаявшемуся в долгих скитаниях Лескро, ведь знатной компании он давненько не встречал — если только не считать кратковременный разговор с Корделлом в лесах Бертлебена… Но разве то благородная встреча? Так, вышел на опушку пляшущий холоп под чужую дудку. Ведь и награды не дал ему братец-подонок, а еще герцог зовется! Теперь Лескро отчего-то обозлился и на себя, и на всех кругом, а на капеллана — воистину великолепную бурую поганку, иначе не обзовешь, — и подавно!

“И ведь не повернешь назад! Нет. Не могу я все бросить, не сейчас. Терпи, терпи, стоит оно того. Стоит!” — уговаривал себя Лескро, а сам шел к храмовникам и улыбался, стараясь не особо задерживаться у люда, который его узнавал и пытался похлопать по плечу или обмолвиться словцом про мерзопакостных эльфов (или как их там, *ельфинов*?) и волшбу-*владение*, но при этом и не скакать стремглав к святошам, демонстрируя чинной походкой и прямой спиной, что все кругом его уважают — как зеваки, так и охотники.

Но в конце концов длинные ноги донесли их владельца до кареты, а, стало быть, до людей Кардинала. Теперь-то Викто́р мог изучать их сколько угодно: ряса на старшем храмовнике не висела мешком из-под овощей — пошита по плечу, добротная и чистая, подвязки и обрамления на ней искусного плетения с золотыми нитями, широкополая шляпа нарядней нарядного, а еще и символ веры — оранжевый стеклярус с кулак младенца — в серебре да жемчуге — болтался на замысловатой цепи из стороны в сторону аки маятник у цирковой гадалки — блестел, так и манил взор, — как это все сороки с колоколен не слетелись по его барахлишко?

Лескро отвел взгляд на дорогу, чтоб не подумал о нем капеллан, будто вид его поразил самого королевского амбассадора! А потом еще раз изучил молодчика — тот приветливо улыбался, и ничего опасного или скверного в себе не таил — что при взоре издалека, что при детальнейшем разглядывании в упор. Но хочешь иль нет, а все одно глаз так и косил в сторону старшего фанатика.

Викто́р себя мысленно укорил и быстренько угомонил зависть — его одежда ведь тоже не рванина, а проведи этот храмовник по пустым и холодным трактам да пропахшим чесноком и пивом трактирам хоть недельку — утратил бы весь лоск! Поправил он перстень на пальце с позолоченным профилем короля Аргольда (для Хорграда король еретиков так себе символ, но зато золото!), меч на поясе поудобней пристроил, смахнул пылинки с плеч и поспешил к карете.

— Доброго дня, братья! — приветствовал посол обоих мужчин разом, заодно оглядев их повозку — весьма приличную и добротную, что его полностью удовлетворило.

— И доброй Охоты, господин посол, — отвечал старик. — Позвольте представиться, я — брат-капеллан Балтассаре, а это, — Он указал благородным мановением на служку, — брат-капуцин Жан-Лука.

Имя старикана он сразу не запомнил, вроде бы знакомое такое, но отчего-то сложно давалось памяти. Так уж южные жители коверкали одни и те же имена, а Хорград понахватался у них или и сами они сюда приехали… По итогу, Балтассаре звался бы Бальтазар, а Алваро — Оливер поди… Но запомнил, не запомнил, послу подобает проявлять вежливость и уважение, посему Лескро деловито произнес:

— С удовольствием стану вас звать впредь по именам и чинам, пламенные братья. И раз уж назвали меня послом, то ответьте, ведаете ли имя мое?

— Знаем, что посол вы, но имени не ведаем, господин. — Капеллан покачал головой.

— Викто́р Лескро имя мое, добрые братья. Амбассадор я короля Аргольда и… — тут Лескро приврал немного, добавив себе парочку безобидных титулов и заслуг, которые хоть бы и сам Корделл или тайное дознание не определили, не то что какие-то там отщепенцы — монахи-огнепоклонники.

Храмовники покивали и осенили себя знамением — напоминало оно перевернутый знак вопроса, по мнению Викто́ра — не шибко на пламя похоже, но пусть так, в веру еретическую (ведь служил он пока еще Аргольду и Конгрегату) послу ударяться не пристало, как и соблюдать мелкие традиции и обычаи земель, считай, все тех же Мэриелских, поэтому он просто легонько кивнул, мол, поддерживаю вас в ваших правилах, вот и все.

— Слышали речь мою? — поинтересовался Лескро, зная, что оба стояли на площади в этот момент, но лишний раз ему хотелось осведомиться, получить хвалу — ведь доводилось ласкать ей уши не часто.

— Слышали! — восхищенно воскликнул юноша по имени Жан-Лука. Он весь светился и безотрывно глядел на посла, что Лескро польстило, а то триумф от удачного выступления выветривается куда быстрее, нежели злоба после провального ораторства.

— Слышали… — не с таким уж благоговением прозвучало от старшего брата, который твердо знал, что кроме как пред Святым Пламенем не стоит выказывать раболепия, а пред ним никак не королевская особа, а всего лишь посол. — Ересь, какая опасна для рода нашего, человечьего, коль скоро вершатся козни ее слугами в самом деле…

— Но сии вопросы важные и опасные мы обсудим с Кардиналом, — отрезал Викто́р.

Капеллан ему сразу не понравился, так еще и начал тут семена сомнения сеять. Ересью он нарек не только колдунишку Корделла, редринов и эльвинов во главе с их принцессой, но и слова честные из его уст! Вот же проказа!

Нет уж! Подобного неуважения и подозрения Лескро не собирался допускать, если уж чинить Корделлу козни, то все надобно сделать для успеха этого мероприятия, а могущественные друзья ему в этом деле не помешают, ведь цена за измену — смерть.

А коль ставки невероятно высоки, то и требовать следует больше. Устал Лескро пресмыкаться, пора взмыть в небеса! И он знал, как склонить Кардинала на свою сторону. А тут какие-то подонки в дорогой шляпе ему отнюдь не двузначными намеками обвинения в ереси выносят. Ничего, скоро все сам увидишь, капелланишка! А он лишь желал стоять в этот миг подле и застать в его очах испуг, поглядеть, как Балтассаре оббалтассарится в кружевные портки!

— Все верно, за сим мы тут — доставить вас, посол, к Его Серенити, — чуть более покорно сказал возрастной святоша. — Брат Жан-Лука, готовь упряжь и отправляемся.

— Так кони запряжены, капеллан, — отвечал парнишка, отходить от посла, который только вот о таких чудесах говорил, а еще и повидал всякое, ему не хотелось.

— Что ж, отвори тогда дверцу, мы желаем сесть.

— К-конечно, — спохватился капуцин. — Извольте, господин посол, брат-капеллан. — Служка принял вертикальное положение, отворив дверцу.

Лескро не упустил возможности посоревноваться со зрелым храмовником и первым полез в повозку, приняв руку от молодого послушника, при этом лицо его учителя чуть позеленело, а из-под шляпы выползла синяя жилка-змейка. Посол ухмыльнулся, еще и специально место занял пригожее, чтоб глядеть вперед во время поездки, а не назад. Пусть помучается старый поганец, получит по заслугам. Он не любил ездить задом наперед, еще и голова кружилась; судя по виду Балтассаре — святоша тоже не жаловал подобный (несколько неестественный, стоит подметить) способ перемещения.

Как итог — мелочь, конечно, но приятно насолить чванливой занозе по имени Балтассаре. При дворе Аргольда такого гордеца Лескро мигом стирал в порошок, подстраивая неприятности вплоть до неожиданного поноса. Но сейчас не до этого, поэтому амбассадор вальяжно развалился на бархате кареты капеллана и в ус не дул.

— А далеко ли ехать до резиденции Кардинала, брат Жан-Лука? — специально, дабы позлорадствовать, спросил Лескро, еще и руки положил на сиденья, занимая собой всю половину, чтоб старый червяк не удумал его подвинуть.

— Далековато, господин посол, — открыто признал молодой, что ничуть Викто́ра не расстроило. — Два района объедем, Флорин и Гинею, а еще и по Игнису сколько ехать… — перечислил капуцин.

— Но можно и быстрее, — вмешался с мерзкой улыбкой Балтассаре, усаживаясь напротив Лескро, а еще так долго держал за плечо парнишку, демонстрируя, что все тут его: и карета, и лошадь, и шляпа, и даже рубище этого сопляка, как и его тело с душонкой. — Через Мора-батур поедем.

“Вот же паскудник и ублюдок! Через вонь трущоб меня решил везти!” — Лескро скривился, но быстро взял себя в руки и обратился к молодому монаху: — Ничего страшного, мой дорогой друг, Жан-Лука, а трущобы нам не помеха, дело ведь важное и срочное. Промедление — смерть всего сущего! Ведь злейшая беда и мерзотнейшая злоказнь, *обладание*, вернулось в наши славные земли!

— Конечно, господин посол! — Жан-Лука перетрухнул немного от таких слов, часто его пугали Светопреставлением, когда огонь изольется с небес, точно ярость эльфов, обрушенная на короля Варлага, но такого скорого его прихода он явно не ожидал.

Молодчик засуетился и запрыгнул на козлы, напоследок оглянувшись на господ. Смотрел он, вне всякого сомнения, только на Лескро. А вот капеллану пришлось повернуть голову в сторону служки, чтобы глянуть, чего он там копается, а причина задержки ему (к радости посла) ой как не понравилась, еще и шея стариковская хрустнула, а после он ее всю дорогу поглаживал и морщился от боли.

— Трогай, брат Жан-Лука! — велел амбассадор, а капеллан лишь растянул губы под усами в длинную линию — всё уже сказали, добавить нечего, разве что, вторить эхом спесивому и чумазому прихвостню Аргольда, который всякую меру утратил и раскомандовался в чужом городе.

А не ослушаться ли ему, капеллану Балтассаре, приказа Кардинала и велеть Жану-Луке немедленно развернуть повозку в другую сторону, чтобы она перво-наперво покатила в узилище? Там, глядишь, хвастун быстро сознается в чистейшей ереси, грязной лжи и наглом поклепе, в противном случае на подобный отброс придется тратить свое время, а еще час Его Серенити.

Но глава ордена, Кардинал Алваро Киринос, хоть и занят непомерно, уже знал о прибытии амбассадора короля Аргольда, как и то, что тот вещал на площади среди казадоров и прочих жителей Хорграда, да еще против господина своего и кровного брата, а для “Пламени веры” — опасного соседа и заклятого врага — герцога Чагринского, Корделла Бастера.

Посему Балтассаре с трудом подавил личное отвращение к амбассадору и мыслишку о том, что стоит перехватить где-то и как-то герцога Корделла Бастера и с ним хоть минуту потолковать, прежде чем вешать на последнего ярмо ведьмуна.

И коли таков-то слизняк поможет словить рыбину покрупнее, чтоб ослабить силу правителя Мэриела и расширить Хорградский феод в сторону Чагрина, пусть так — Балтассаре избавит Викто́ра Лескро от допросов с пристрастием и пыток…

И не отмывать Жану-Луке кровь предателя и еретика с рук капеллана, не отстирывать одёжу в щелоке…

А в обязанности Балтассаре теперь вменялось облагородить Лескро, дабы тот предстал в должном виде перед Кардиналом. Ему доведется выдать пройдохе новую капелланскую одежду, да еще велеть отстирать и почистить костюм прежний… До завершения сушки — благословен Огонь небесный, жара к вечеру справится с влагой — надлежало терпеть столичного негодяя и обманщика, который пороги начнет обивать в доме веры да у престолов веры…

Храмовник закипал изнутри, но коли велел Его Серенити — должно им, и Жану-Луке, и ему, — все выполнить, все исполнить. И ни один волосок не упадет с головы королевского посла.

“В общем, довольно сих дум. А жаль… Жаль, — подметил капеллан. — День сулил куда более заманчивую развязку”.

Верный человек Кардинала шумно вздохнул.

Лескро, строящий все это время планы и каверзы и нисколечко не подозревающий о минувшей его незавидной участи по воле случая и слову Кардинала, — тоже с шумом выдохнул.

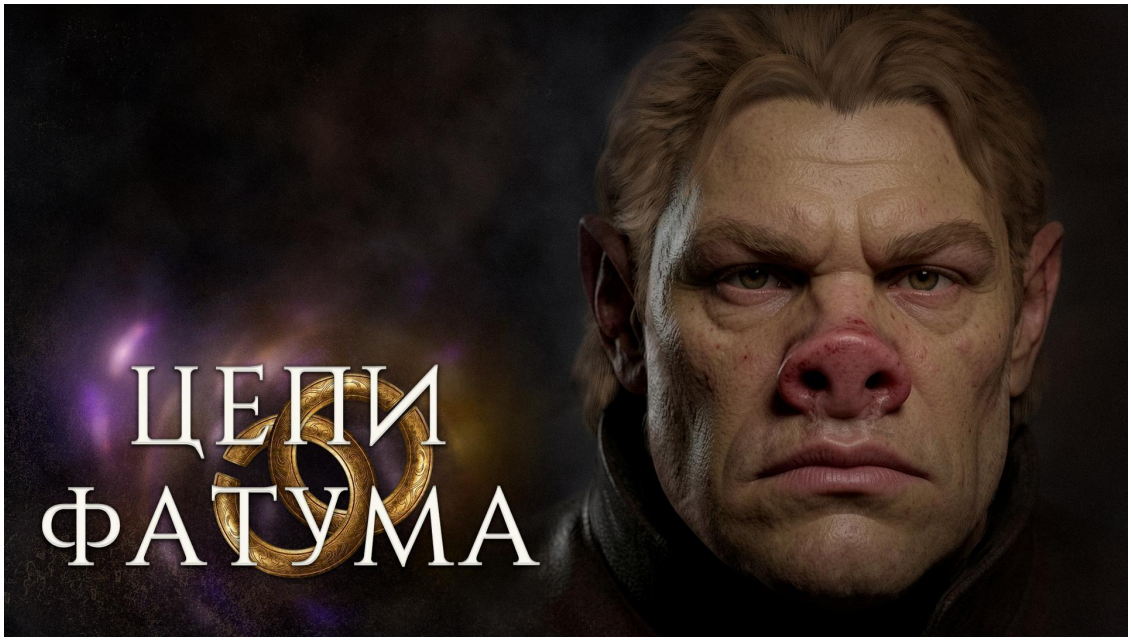
Храмовник и амбассадор обменялись взглядами, затем, скуксившись, потаращились в окна, а не найдя там ничего достойного внимания, снова принялись изучать друг друга. Дорога сулила лишь скуку.

— Желаете вина? — Балтассаре откуда-то извлек небольшой деревянный ящик, а в нем покоились бутыль и дорожная посуда.

— Вы читаете мои мысли, — изрек Виктóр Лескро, явно этого предложения не ждавший, и принял кубок, украшенный столь богато камнями, как и рука его протянувшая.

Жан-Лука тихонько затянул песенку про каргу-людожорку и бравых казадоров, поскольку старший храмовник пение его не остановил, полурелигиозный мотив стал чуть громче.

Глава 9. Хряк, крыса и пожар



— Лезть на стену? — переспросил жирный редрин-командир, вытаращившись круглыми глазёнками на свою госпожу и кривя приплюснутой кабаньей физиономией.

Ну да, такому-то толстяку это не по силам, только умел жрать побольше, злобно ворчать и покрикивать на остальных, пока его хозяйка не видала и не слыхала.

И за что его только назначили командиром — за то, что жрет за пятерых и валяется в говне? Нового что ль подобрать, как представится свободная минутка?

— Не через ворота же заходить вашему десятку? — Занзара пожала плечами и отвернулась, жалобы свинорылого Кнура ей изрядно надоели по пути сюда.

Она никого из них не жалела, хотят через ворота? — пусть шуруют, порубят их там — вот и пускай, все одно — задачу выполнят — вот и хер с ним! Она вспомнила прошлый отряд, который перебили в Альсвеге, — ни в какое сравнение не шли с этими вахлаками... и те сгинули, не выдержали испытания Колеса. А на смену им Фидес выдала этих доходяг — весьма молодых, тупых и борзых, а еще вечно голодных. И как не догадались сожрать толстопузого? Идиоты да и только!

Она нашла свой сброд там же, где и вчера: почти под самыми стенами, в рощице близ кладбищ. Занзара отправила посла к Кардиналу, оставила брата на площади, поручив ему пару забот, а сама без проблем и промедлений выехала из Хорграда верхом на лошади Лескро, ленивая стража у гнилых ворот, играющая в кости, никак спозаранок, в ее сторону даже не взглянула.

Девушка мысленно пересчитала редринов, никто не сбежал, все одиннадцать паскудников тут. Не посмели нарушать приказа, не расползлись по округе — и то хорошо! Так, глядишь, что и получится из этой своры.

Сперва ее прислужники оживились, думали — пора выдвигаться в гуммскую столицу, к королю, но их скоро настигло разочарование — придется еще тут задержаться. В новые планы их Занзара не посвящала, сказала, дескать, если дело выгорит — идти никуда не потребуется, с почестями вернемся домой, а царица так наградит каждого, что им и не снилось… Да что

им вообще снилось-то? Они, глотая слюни, пялились на несчастную каурку Зубастика, а та нервничала, чуя зловоние их телес и окружения, которое они засрали всего за одну ночь.

— Сказано на стену, вот и лезем на стену, — вмешался в их разговор еще один редрин, схожий на крысу: сам юрок, мал, остронос и зубаст. Звали его Обрубок — все из-за оттяпанного до середины хвоста. Этот любил полебезить пред дочерью царицы, она и не возражала, хотя в любимцах никого из них не держала — все одно могут передохнуть в любой момент.

— Цыц, мразь, — рыкнул жиртрест тощему собрату, отпихивая его в сторону. Но тот играючи обогнул толстобокого командира и вновь обозначился перед госпожой, раз та на него соизволила обратить внимание. Не гнала прочь, вот и не удел жирному тут цыкать.

— Можешь остаться тут, Кнур. Кто-то же должен место сторожить, — решила Занзара. — Бронт занимается некоторыми приготовлениями. Ваше дело малое: проскакать по крышам, можно ограбить лавки со съестным, никого не убивать, девок не сношать, просто напугать горожан. В общем, навести шуму и быстро свалить, пока солдатье не опомнилось. А покамест ждем сигнала, — Она указала на городские стены и башни, редрины повернули туда морды, — свет увидите от блестящего предмета, мигнет три раза — вот и пора, берем и лезем.

— Все сделаем, — подхалимничал крысеныш и облизнулся пару раз. Девушка понимала, что жрать всем им хочется, оттого с радостью они возьмутся за это дельце.

— Есть еще кой-чего, дочь Гхаргхи, — обратился к ней жирдяй; морщил лоб, вспотел, немного расстроился (никто ж ему не принесет покушать, еще и ждать придется всех вместе со злобной госпожой).

— Говори наконец.

— Я обнаружил могильник со входом, большой такой, зал там внутрешний тоже огроменный, лило с неба всю ночь, вот и высматривали какое укрытие…

— А там подземный ход, — вклинился Обрубок. — В город гуммов ведет, я так считаю…

— Считает он… — Хряк надулся. — Не проверяли мы, госпожа.

— Отчего? — Девушка слушала в пол уха, не отрывая взора от крепи.

— Жуткие звуки… И вонь… — Кнур уть понизил голос: — Не полезли, боязно.

— Так это ветер: ведет лаз наружу, не иначе. Или вода, — предположила Занзара. — А вонь… Так из-за тебя поди… — Некоторые редрины, включая Обрубка, осклабились. Кнур им грозить не стал, не посмел, но хмурился и хрюкнул сопливо, не сдержав обиды.

— Так ты до конца говори, Кнур! — Обрубок крутился вокруг Занзары, поглядывая на гневливого брюхана. — Все ведай госпоже! Командиром еще зовешься!

— Отребье, сразу все доложить, ничего не таить, чтоб так впредь делали! — Занзара не выдержала, думая, что ей стоит плеть раздобыть и выдрессировать тупых ублюдков.

— Грохнули мы тут, госпожа, — продолжал крысеныш боязливо, — гуммов парочку.

— Парочку? Я же велела тихо сидеть. — Она зыркнула глазами, под плащ полезла, пощупать рукоятки клинков, все редрины попятились.

— В склепе они валяются, припрятаны… Так и прознали мы про тайный лаз. Они оттуда выползли и на нас наткнулись, пока мы отдыхали, — спешил изъясниться Кнур. — А что еще делать? Велено ж нам сохранять секретность… — оправдывался он. — Не отпускать же их?

На серой каменной стене что-то сверкнуло. Раз, два, три. Так, Бронти свою часть исполнил, Виктóр — тоже.

— Пошли! — скомандовала девушка. Лишний раз повторять не пришлось, все редрины дернулись, даже неуклюжий Кнур, уж хотелось им пограбить и постращать гуммов городских.

— А вы со мной, — Она остановила Кнура и Обрубка, смотря при этом, как другие редрины несутся к Хоргграду, затем ловко забираются наверх, хватаясь за камни и трещины, — показывайте ваш тайный лаз, а если наворотили дел, отродья, там вы и останетесь.

— Сюда, госпожа, — Обрубок низко кланялся, — сюда. Сами сейчас все увидите.

Занзара, следуя за шустрым крысёнышем, повела свою лошадь, та пообвыкла малость к присутствию редринов и не так сильно шумела и артачилась.

— Болтливая крыса, — едва слышно чавкнул жиртрест, волоча свою тушу за ними вглубь леска, боясь, что сейчас им влетит, а ему по первое число, ведь они тех людишек обшарили, наживу поделили, а трупы чуть обглодали. И он, командир, эти указания и раздавал. И сожрал человечины больше всех, так уж и не плохое мясцо пошло впрок! И трясся сейчас жирдяй Кнур, как никогда прежде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.